

По остывшим следам

Автор:

Николай Свечин

По остывшим следам

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #19

1906 год. Императрица Александра Федоровна поручила премьер-министру Столыпину необычное дело. Два года назад в женском монастыре в Казани была похищена чудотворная икона Казанской Божией Матери. Полиция нашла воров, но саму реликвию отыскать не сумела. В обществе упорно ходили слухи, что образ цел и где-то спрятан. Столыпин командировал лучшего сыщика Департамента полиции, коллежского советника Лыкова, на поиск иконы. Сыщик выехал в Казань. Но как только приступил к дознанию, в городе стали происходить страшные события.

Николай Свечин

По остывшим следам

Происшествия из службы сыщика Алексея Лыкова и его друзей

Иллюстрации в блоке текста и на переплете Екатерины Асадчевой

© Свечин Н., текст, 2018

© Асадчева Е., иллюстрации, 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Николай Свечин родился 2 февраля 1959 года в г. Горьком. Окончил экономический факультет Горьковского университета. Кем только не приходилось работать Николаю: и нормировщиком на заводе, и инструктором горисполкома, и бизнесменом. Но мечтой Свечина всегда был литературный труд, возможность писать. И вслед за первой книгой (2005) романы стали выходить один за другим. Сейчас уже можно сказать: творчество Николая Свечина – заметное явление на небосклоне отечественной словесности.

«Свечинские детективы не производят впечатление литературных; ты садишься в машину времени – «Двадцать пятого марта 1880 года в Шуваловском лесу был найден труп пожилого мужчины», первая фраза – и едешь именно в Нижний Новгород 1880 года, а не в «литературный дискурс русской провинции 80-х годов XIX века»; дьявольская разница».

Л. Данилкин

Автор благодарит Эльмиру Амерханову и Елену Карташеву за помощь в создании этой книги.

Глава 1

Приказ Ее Величества

5 августа 1906 года Лыкову принесли большой конверт с сургучными печатями. Алексей Николаевич стал расписываться в журнале и с удивлением увидел, что конверт был от премьер-министра. Странно – до сих пор Столыпин не баловал скромного коллежского советника вниманием.

Внутри оказалась небольшая книжечка. На обложке стояло: «Судебный процесс по делу о похищении в Казани явленной чудотворной иконы Казанской Божьей Матери: полный стенографический отчет с приложением всех судебных речей», Казань, издание журнала «Православный собеседник», 1904 год». Лыкову сделалось любопытно. Громкая кража произошла два года назад. Он тогда находился в Тифлисе и следил за ходом дознания по газетам. Поэтому знал о святотатстве то же, что и все. Негодяи украли образ, сорвали с него драгоценные ризы, а саму икону сожгли в печке. Казанская полиция довольно быстро раскрыла преступление. Воры были осуждены в каторжные работы. Что же теперь по этому старому делу потребовалось премьеру от сыщика?

Лыков взял почту и отправился к директору Департамента полиции. Трусевич принял его сразу.

– Максимилиан Иванович, не поясните, что сие значит?

Директор повертел в руках конверт, убедился, что на нем печать премьер-министра. Полистал книжку. Потом пожал плечами:

– Вчера был телефон от Столыпина. Он спросил, кто у нас самый опытный уголовный сыщик. Я, разумеется, назвал вас.

– Но при чем тут казанская кража? Дело давно закрыто, преступники выявлены и осуждены.

Трусевич снял трубку телефона и велел соединить его со Столыпиным.

– Але, Петр Аркадьевич. Извините, что отвлекаю. Пришел коллежский советник Лыков, которого я вам вчера аттестовал. Он получил конверт с протоколами суда в Казани... По краже чудотворной иконы, да. Мы оба недоумеваем: в конверте нет ничего, объясняющего вашу посылку. От Лыкова требуется что?

Он выслушал ответ, кивая и почтительно поддакивая. Когда в трубке раздались гудки, положил ее на аппарат и потер лысеющую голову:

– М-да... Не нравится мне...

– Что такое, Максимилиан Иванович? – насторожился Лыков.

– Чует мое сердце, неспроста сыр-бор. Петр Аркадьевич приказал вам внимательно изучить присланные материалы. И дать экспертное заключение: могла ли икона уцелеть?

– Уцелеть? В том смысле, что ее не сожгли? – уточнил Лыков.

– Да.

Два полицейских чиновника посмотрели друг на друга. Этого только не хватало! Слухи, что икона Казанской Божией Матери не погибла в огне, а где-то спрятана, ходили по стране все два года. В качестве виноватых обычно называли богатых купцов-старообрядцев. Иногда приплетали масонов. Но то были слухи. А улики доказывали, что воры спалили икону в печке. На суде это приняли как факт. Сейчас, когда прошло много времени, оспаривать его трудно. Неужели кому-то наверху сплетни показались настолько убедительными?

– Я понимаю, Алексей Николаевич. Нет ничего хуже, чем идти по остывшим следам, – мягко сказал Трусевич. – Но куда теперь деваться? Посмотрите материалы и напишите заключение. Я убежден, что оно окажется отрицательным и от вас отстанут. Просто кому-то в Зимнем дворце – я даже

знаю, кому именно, – хочется невозможного.

Директор имел в виду императрицу и ее склонное к религиозной мистике окружение.

– Слушаюсь, – мрачно ответил коллежский советник. Собрал бумаги и отправился к себе.

Азвестопуло, как только увидел, что шеф не в духе, сразу вскочил:

– Что такое, Алексей Николаевич? Опять какие-то бомбисты?

– Намного хуже, – заявил Лыков. – Бомбисты – милые люди: или мы их, или они нас. А тут – иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. – И рассказал помощнику о новом поручении.

– Только и всего? – ухмыльнулся Сергей. – Делов на два часа с перекурком. Отдайте мне, я им напишу такое, что враз отстанут. Убийц некогда ловить, а они с ерундой.

– Молод ты еще и потому не понимаешь, – сварливо возразил Лыков. – Такие поручения самые опасные, на них шею и ломают. С нашей, прости Господи, государыней шутки плохи. Не понравился ей – и в утиль.

– Да...

– Цыц! Ступай в архив, принеси мне всю переписку департамента с казанским губернатором по краже, – приказал Лыков. – А меня нет ни для кого.

Алексей Николаевич углубился в изучение обстоятельств дела. «Кража века» произошла в женском монастыре в самом центре Казани. Сыщик с карандашом в руках прочитал речь обвинителя и ответные речи защитников и понял, что все сложнее, чем ему изначально казалось. К вечеру у него уже было готово заключение. Лишь только он сообщил о нем директору, тот сразу же связался со Столыпиным. Умница Трусевич тоже понимал, что значит не угодить императрице, и потому не стал тянуть. В десятом часу действительный статский и коллежский советники прибыли на Аптекарский остров. Здесь, на даче

министра внутренних дел Столыпин проживал летом. Став премьером, он сохранил за собой МВД. Правда, загруженный делами высшего управления, Петр Аркадьевич запустил ведомство. Его целостность была нарушена, единая политика отсутствовала. Директора департаментов делали, что хотели, каждый дул в свою дуду. Трусевича и Лыкова это устраивало: начальству некогда было соваться в их текущие дела с мелочной опекой.

– Что скажете, господа? – спросил премьер, быстро входя в кабинет. – Но, пожалуйста, негромко: сын только что заснул.

– У Алексея Николаевича готово заключение. Я решил, что лучше сообщить вам его как можно быстрее, – доложил директор Департамента полиции.

– Правильно решили, – кивнул Столыпин. – Вы уже, полагаю, догадались, кто заинтересовался вопросом?

– Ее Величество? – предположил сыщик.

– Точно так. Там... – Столыпин замаялся и переменял тему: – Э-э... Чаю приказать?

– Спасибо, – ответил за обоих гостей Трусевич.

Премьер-министр вышел в приемную распорядиться. Когда он вернулся, вид у него был сконфуженный.

– Дело вот в чем, – начал он. – Ее Величество изволили вызвать меня вчера для личной аудиенции. Сразу после доклада государю. В комнате присутствовала еще герцогиня Лейхтенбергская, Анастасия Николаевна.

– Фаворитка царицы, – пояснил Лыкову Трусевич. – Большая шельма и истеричная дура на метафизическо-религиозной почве.

Столыпин поморщился – речь как-никак шла о представительнице правящей фамилии. Но не стал одергивать подчиненного, а продолжил:

– Государыня спросила у меня, имеются ли в Министерстве внутренних дел опытные сыщики. Я ответил утвердительно. Затем Александра Федоровна

заявила, что требуется разыскать икону Казанской Божьей Матери. Якобы она не погибла, как решил казанский суд, а цела и где-то скрывается. Я попросил разъяснить, на что опирается такое мнение. Ну... мне ответили, что на высшие силы.

– Высшие силы? – переспросил Лыков, не веря своим ушам.

– Именно так, – бесстрастно ответил Столыпин, отводя взгляд.

– А могу ли я узнать точнее? – спросил Лыков.

– Можете. Когда сами предстанете перед государыней.

Сыщик почувствовал, что влип.

– Да, вам придется переговорить с Ее Величеством об этом, – пояснил премьер. – Завтра к девяти часам утра будьте на Эрмитажном причале. Поплывете вместе со мной в Петергоф.

Трусевич хотел что-то возразить, но Столыпин не дал ему сказать:

– Решение принято, чего теперь. Лучше пусть Алексей Николаевич сообщит, к каким выводам он пришел, изучив материалы суда. Могла священная икона уцелеть или это глупые рассказы?

– Могла, ваше превосходительство, – рубанул с плеча сыщик.

– Да вы что?! – опешил премьер. – Ну-ка докажите.

Лыков выложил из принесенной папки лист бумаги:

– Вот. Здесь коротко, я дополню на словах.

Столыпин и Трусевич, заинтригованные донельзя, откинулись на спинки стульев и приготовились слушать. Тут принесли чай. Едва лакей удалился, Алексей Николаевич начал:

– Как известно, кража произошла в тысяча девятьсот четвертом году, в ночь на Петров день[1 - Петров день – 29 июня (здесь и далее примеч. автора).] украдены были две чудотворные иконы: Казанской Божьей Матери и Спасителя. Следствие обвинило в страшном святотатстве воров Чайкина и Комова, первый был признан главарем, а второй – его сообщником. Третий, ювелир Максимов, будто бы сам не крал, но купил снятые с похищенных образов золото и драгоценные камни. Так вот... – Лыков отхлебнул из стакана и продолжил: – Сами иконы отысканы не были. Полиция нашла золото и камни, да и то не все. А еще горсть золы в печке, вместе с бархатом, гвоздиками и петлями от оклада. Это дало основание обвинителю сказать следующее. – Лыков стал читать с листа: – «Как ни тяжело, как ни безотрадно, но надо признать, что иконы сожжены. Если бы преступник хотел воспользоваться иконой, он не стал бы срывать с нее бархат, которым она, за исключением лика, вся была зашита. Да и времени у преступников не было бы – они были задержаны, как говорится, по горячим следам. На вопрос о том, где святые иконы, подсудимые упорно молчат, как мне кажется, потому, что у них не хватает духу, несмотря на всю их дерзость, открыто, в присутствии всех сказать, что святые иконы ими сожжены». – Сыщик повернулся к начальству и ехидно заметил: – Это у Чайкина не хватило духу? Да у него той самой дерзости на семерых!

– Продолжайте, – серьезно сказал Столыпин. Видимо, его самого как истинно верующего человека вопрос о судьбе святых образов сильно интересовал.

– Так вот. Суд присяжных принял вывод государственного обвинителя на веру. Более того, никто вообще не искал иконы, все ловили похитителей. Надо отдать должное казанской полиции: они действительно быстро раскрыли кражу. Нашли жемчуг с окладов, обрезки золотой ризы, инструменты для переплавки. Обнаружили хорошо спрятанные тайники Чайкина. Но сами иконы странным образом оказались вне интереса сыщиков. Полиция доверилась заключению «сведущих людей», что зола в печи и есть все, что от них осталось, – заключил Лыков.

– Но ведь свидетели на суде заявили, что образы сожгли у них на глазах, – возразил Столыпин.

– Да, так утверждала Евгения Кучерова, девятилетняя дочь сожительницы Чайкина, – подтвердил Алексей Николаевич. – Но девочка была аттестована на суде как лгунья, испорченная не по годам. Она в самом деле говорила то одно, то другое. Показания Евгении по остальным эпизодам проигнорировали. А в

гибель икон почему-то поверили. Присяжный поверенный Тельберг, защитник Чайкина, – единственный, кто подверг это сомнению. Но ничего не смог доказать и никого не убедил. Странное впечатление складывается, когда читаешь материалы суда. Все мелочи изложены, все детали, даже ненужные, препарированы. А главный вопрос закрыли одной фразой обвинителя. Почему так?

– То есть вы полагаете, что образ, священный для всей России, мог уцелеть? – с волнением в голосе спросил премьер-министр.

– Да. Чайкин хорошо понимал, что стоимость самой иконы много больше всех ее украшений. Определенные люди дали бы за нее миллион.

– Миллион?! – взвился Трусевич. – Откуда такая цифра?

– Я справлялся у антикваров, – ответил Лыков. – Тех, кто работает со старинными иконами. Кстати, они мне подтвердили: в обществе так и не согласились с решением суда. Слухи, что священный образ цел, не ослабевают. И государыня права, что обратилась к этому вопросу. Миллион за дониконианскую икону, чья великая сила прославлена и не подлежит сомнению? Для богатых староверов – запросто.

– Так. Чайкин не дурак, чтобы жечь миллион, – повторил тезис Лыкова Столыпин. – А еще есть аргументы?

– Есть. Сообщники найдены не все. Сторож Захаров говорил на следствии, что видел четверых грабителей. Но к нему не прислушались и решили, что воров было двое, те самые Чайкин и Комов. Почему? И не оттого ли иконы исчезли, что их унесли другие сообщники? Далее. Пропали и бриллианты на большую сумму. Прочие драгоценные камни с окладов удалось отыскать и золото с серебром тоже. А бриллианты – нет.

– Чайкин спрятал их лучше, чем серебро, – предположил Трусевич. – И мечтает бежать с каторги и разрыть тайник. Камни-то мелкие, спрятать их нетрудно.

– Может быть, и так, – не стал оспаривать это предположение Алексей Николаевич. – Но я выдвигаю другую версию. Бриллианты – самое ценное из того, что было похищено. За вычетом самих образов, конечно. На иконе

Казанской Божьей Матери этих бриллиантов насчитывалось более пятисот! На сумму свыше семидесяти пяти тысяч рублей.

Сановники ахнули, а Лыков продолжил:

– В тысяча семьсот шестьдесят седьмом году императрица Екатерина Великая посетила Казань. Она была в Богородицком девичьем монастыре, молилась этой иконе и подарила на ее украшение корону из крупных бриллиантов. Так что не такие они и мелкие, Максимилиан Иванович. А когда их полтыщи...

– Так в чем состоит ваша версия? – перебил сыщика Столыпин.

– В том, что бриллианты остались, как и икона, в руках у сообщников. И Чайкин оттого и молчит о них. Там – его страховой фонд. Вору отдадут его долю в драгоценных камнях лишь в том случае, если он скроет сведения о подельниках.

– Для этого ему надо сначала сбежать с каторги, – мрачно заметил директор департамента.

– Трудно, но вполне возможно, – отрезал Лыков. – Были бы деньги и смелость. Смелости у Чайкина полно.

– А денег? – спросил Столыпин и сам же ответил: – Вы намекаете, что тоже с избытком, но они у сообщников. Верно я вас понял?

– Да, ваше превосходительство.

– Называйте меня Петр Аркадьевич. То есть, Алексей Николаевич, сообщники у Чайкина в руках? Они прямо-таки обязаны организовать ему побег, иначе тот их выдаст?

– Правильно, Петр Аркадьевич. Там взаимозависимость: ему тоже не хочется терять куш. Он будет молчать, но не вечно. Возможно, именно сейчас вору и готовят путь на волю, пока мы тут сидим и рассуждаем. Сбежит, и ищи-свищи. Тогда икона пропадет навеки.

Трусович заерзал. Столыпин зыркнул зло и сказал:

– Я прикажу усилить охрану Чайкина. У вас все, Алексей Николаевич?

– Остался последний аргумент.

Премьер напрягся:

– Как полагается, самое убедительное оставили на конец?

– Наверде того, – кивнул Лыков.

– Говорите.

– Казанская полиция выяснила со всей достоверностью пять предыдущих краж Чайкина. – Сыщик стал загибать пальцы: – В тысяча девятьсот третьем году из мужского Спасского монастыря в Казани были похищены митры и другая церковная утварь. В том же году в Коврове из кладбищенской церкви украдена риза с иконы, а из единоверческого храма в Златоусте – оклады сразу с трех икон. Еще два преступления состоялись в четвертом году. В марте Чайкин украл из Семеновской церкви в Рязани ризу, тоже с иконы Казанской Божьей Матери, стоимостью более двадцати тысяч рублей. А в апреле – жемчужную ризу с образа Знамения Пресвятой Богородицы из монастыря в Ярославле.

– И что с того? – не понял Столыпин. – Он же вор.

– А то, Петр Аркадьевич, что во всех этих случаях Чайкин забирал только ризы. Сами иконы не трогал, оставлял в храме.

Премьер и сыщик некоторое время смотрели друг на друга. Наконец Петр Аркадьевич выдохнул:

– Вот это да... Но почему же следствие не обратило на это внимания?

Лыков пожал плечами:

– Сам удивляюсь. Как будто их кто-то гнал. Быстро осудили, и с глаз долой – из сердца вон. Никто не задумался, почему опытный забираха впервые нарушил

свои привычки.

– Теперь вы меня почти убедили, – нахмурился Столыпин. – Ну, казанцы! Езжайте и попробуйте разговорить Чайкина. Вдруг ему надоело быть самым знаменитым преступником империи? И принимать на свою голову проклятия всех православных христиан... Но сначала аудиенция у императрицы.

Премьер встал, поднялись и его собеседники.

– Итак, Алексей Николаевич, в ваших выводах есть логика, – сказал Столыпин. – Изложите их Ее Величеству. Наверняка следствием этого станет августейшее поручение. Вы понимаете, на что подписываетесь?

Лыков поймал укоризненный взгляд Трусевича, но его было уже не остановить:

– Понимаю, Петр Аркадьевич. Но ведь я тоже православный. Если имеется хоть один шанс, что реликвия цела – как же мне увильнуть?

– Так сколько времени прошло! – не удержался Максимилиан Иванович. – Какие теперь следы? Раньше надо было чесаться. Ведь поскользнетесь на этом деле, Алексей Николаевич! Не жалко тридцати лет беспорочной службы?

Столыпин молчал, но, судя по всему, думал то же самое. А он лучше собеседников знал характер императрицы.

– Не тридцать, а лишь двадцать семь, – поправил начальство сыщик. – Да и чем я рискую? Попаду в опалу? Так я не придворный лизоблюд. Задержат производство в следующий чин? Ну и шут с ним. А вдруг Бог сподобит вновь обрести икону? То-то.

Петр Аркадьевич крепко пожал коллежскому советнику руку и сказал:

– До завтра.

Государыня приняла сыщика и премьер-министра в своем кабинете. Также присутствовала герцогиня Лейхтенбергская, или, как ее звали при Дворе, Стана.

Лыков недолюбливал эту женщину, хотя никогда с ней лично не общался. Дочь черногорского короля Николы Первого вышла замуж за вдового герцога Лейхтенбергского и родила от него двоих детей. Но брак не задался. Экзальтированная, недалекая, верящая разным проходимцам, Стана вводила их в окружение царской четы. Вот и сейчас она покровительствовала какому-то тобольскому мужику с подозрительным прошлым и говорящей фамилией Распутин. Сестра Станы Милица, жена великого князя Петра Николаевича, помогала ей в этих темных делах. По слухам, герцогиня крутила роман с другим великим князем, Николаем Николаевичем. Командующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа потерял голову от прелестей сорокалетней черногорки. Репутация у сестер в обществе была хуже некуда. Но именно они почему-то пользовались особым расположением императрицы.

– Ваше Величество, – почтительно начал Столыпин, – коллежский советник Лыков – опытейший сыщик Департамента полиции. Именно ему я поручил проанализировать вероятность того, что образ Казанской Божьей Матери мог уцелеть. Алексей Николаевич изучил материалы судебного процесса и сделал интересные выводы. Прошу вас заслушать его.

Государыня протянула сыщику руку для поцелуя и сказала ободряюще:

– Я помню вас. И по коронации, и по выставке в Нижнем Новгороде, где вы охраняли нас с должным усердием[2 - См. повесть «Последняя выставка» в сборнике «Темные всадники».]

– Ваше Величество, то была большая честь для меня.

На этих словах в разговор бесцеремонно влезла герцогиня Лейхтенбергская:

– Так что, коллежский советник, есть вероятность насчет иконы?

Лыков покосился на государыню. Та пригласила всех сесть, расправила подол платья и строго посмотрела на Алексея Николаевича. В этом взгляде сыщик увидел одновременно скрытое волнение и надежду.

– Да, что вы имеете нам сообщить? Нас очень-очень интересует данный вопрос. Скажу больше: судьба России зависит от того, найдется ли чудотворная икона.

– Судьба России? – У коллежского советника брови полезли вверх. – Простите, но какая тут связь?

– Оттуда сказали, что связь есть. – Александра Федоровна неопределенно кивнула куда-то в потолок. – Обычные люди, как вы, не понимают этих знаков. Но мне они явлены во всей определенности. Будущее династии под угрозой, и только святой образ из Казани мог бы все исправить. А он пропал! И меня уверяют, что погиб, погиб навсегда. Найдите его, Лыков, спасите Россию. Большого вам знать не положено.

– Но, Ваше Величество, у меня только предположения.

– Нет никаких сомнений, что икона цела. Вам надо лишь отыскать ее.

– Сведения, что образ не погиб, происходят из того же источника? – осторожно выбирая слова, поинтересовался сыщик.

– Да, от высших оккультных инстанций, – как о чем-то само собой разумеющемся, ответила Александра Федоровна. – Но ваш анализ, – это слово императрица произнесла с сарказмом, – говорит то же самое? Или нет?

Прямо на глазах она стала покрываться красными пятнами и сделалась некрасивой. Лыков отвел взгляд и торопливо доложил:

– Точно так, Ваше Величество. Оккультные силы для меня и правда недоступны. Но опыт многолетней службы подсказывает, что дознание в Казани было проведено поверхностно. Преступников они нашли, молодцы. Однако Богоматерь не искали, сразу сочли образ утерянным.

– И?

– Надо ехать туда, возобновлять дознание.

– Расскажите, что указывает на то, что икона цела, – потребовала императрица.

Коллежский советник изложил свои соображения. Женщины слушали внимательно, но по-разному. Черногорка ахала и вскрикивала «ой!» при каждом

доводе сыщика. Александра Федоровна молчала, но видно было, что она согласна с докладчиком.

Императрица дала Лыкову договорить и спросила лишь об одном:

– Известны ли другие случаи похищения икон старообрядцами?

Сыщик смутился:

– Почему именно старообрядцами?

– Ах, все указывает на них! – пояснила императрица.

Алексею Николаевичу не понравилось, что государыня уже заранее назначила виновных. Но спорить с ней было бессмысленно, и он ответил:

– Действительно, во время Московского пожара тысяча восемьсот двенадцатого года такие случаи имели место. Раскольники разных толков воспользовались тем, что власти бежали из города. И забрали из московских храмов дониконианские иконы, присвоив их.

– Все? – разочарованно выдохнула императрица. – А посвежее историй нет?

– В Семеновской пустыни беглопоповцев[3 - Беглопоповцы (они же рогожцы, они же Австрийское или Белокрыницкое согласие) – самый влиятельный толк старообрядцев.], что в Нижегородской губернии, висит икона Самборской Божьей Матери. Она была похищена в религиозных целях в Западном крае двадцать лет назад. Есть и другой пример. Некий прапорщик Любский украл из храма в городе Тетюши Казанской губернии список иконы Казанской Божьей Матери. По заказу купца Лытикова. Сейчас образ находится в Казанском девичьем монастыре в Ярославле. Но у меня нет сведений, что это был заказ старообрядцев.

– А кого же еще! – возмутилась Александра Федоровна. – Сыщик называется... Ну, ближе к делу. Ваши доводы убедительны, хотя высшие силы сказали мне то же самое без всяких экспертиз. Действуйте. Поезжайте немедленно в Казань. Если найдете образ, вас ждет высокая награда.

– Должен сразу оговориться, Ваше Величество. Прошло два года с тех пор. Следы замели ловко. Работали опытные люди. Шансов найти чудотворную икону, говоря по правде, у меня немного. Скорее всего, она сейчас в какой-нибудь тайной молельне.

– Так отыщите эту молельню!

– Приложу все силы, конечно. Но боюсь завышенных ожиданий с вашей стороны. Повторю: шансов мало. У меня может не получиться.

Тут впервые заговорил Столыпин:

– Ваше Величество, а что, если Лыков ошибся? И образ действительно погиб? Нельзя утверждать, будто такое невозможно. Меня удивляет, честно говоря, самоуверенность коллежского советника. Прочитал стенограмму судебного заседания и уже готов делать выводы. Алексей Николаевич, вы не изучили подробно следственное дело, а туда же. Давайте говорить иначе: икона, возможно, цела, и вы постараетесь ее найти.

Государыня опять стала краснеть:

– А высшие силы?! Они, по-вашему, тоже ошибаются?

– Не берусь судить, Ваше Величество, – сразу пошел на попятный премьер-министр. – Я, как и Алексей Николаевич, обычный человек; разговор с этими сферами мне недоступен.

– Вот и молчите тогда!

Повисла неловкая пауза: реплика государыни прозвучала слишком грубо. Но она и не думала извиняться, а вместо того заявила:

– Лыков, поезжайте в Казань. Ищите так, как до сих пор еще не искали. Помните, что от вашего успеха зависит судьба династии и, значит, судьба страны.

– Слушаюсь! – Лыков поднялся и вытянул руки по швам.

– Премьер-министр окажет вам полное содействие.

Столыпин тоже вскочил и сделал подобострастное лицо:

– Непременно!

– Привлеките все необходимые силы, – продолжила Александра Федоровна. – Жандармов, местные власти, обывателей. Если потребуется, не скупитесь на награды, покупайте сведения. Пять тысяч рублей из личных сумм государя в вашем распоряжении.

– Но под отчет! – пискнула Стана.

– Конечно, желательны расписки, – скривилась царица. – Однако всякое может случиться: кому-то опасно ставить свою подпись. Я понимаю, дознание имеет свои особенности, не мне вас учить. Что еще потребуется от нас?

Лыков задумался:

– Начать следует с допросов Чайкина и Комова, а они на каторге. Нужно содействие Главного тюремного управления.

– Будет, – веско сказал Столыпин. – И открытый лист тоже. Такой, что все по его прочтении начнут бегать, как наскипидаренные.

Государыня протянула руку. Мужчины по очереди поцеловали ее и удалились.

На подъезде Лыков тяжело выдохнул:

– М-да. Выходит, я должен спасти Россию. Она такая из-за сына?

– Вероятно, – пробурчал премьер. – Кто-то из мистических дур наговорил ей...

Долгожданный наследник родился больным гемофилией. Страшный недуг передавался по женской линии и был неизлечим. Носители болезни (почти исключительно мужчины) не доживали до совершеннолетия. Любая травма,

ушиб, царапина могли привести к смерти от кровоизлияния. Болезнь наследника являлась государственной тайной, но Лыков, разумеется, был посвящен в нее.

– Бедная женщина, – продолжил Столыпин. – Знать, что твой сын не дотянет до зрелого возраста... Бр-р. Тут за любую соломинку ухватишься.

– Да-да, я понимаю.

– Еще она примерная супруга. – Столыпин будто уговаривал сыщика не обижаться на капризы государыни.

– Да-да, конечно.

– Ну, едем? – Петр Аркадьевич прихватил сыщика здоровой рукой[4 - Правая рука Столыпина была усохшей и плохо действовала.] за локоть. – По пути сочиним план действий. Вам понадобится помощь военных?

– Не исключаю, – кивнул Алексей Николаевич. – Вдруг следы приведут к людям в погонах? Штаб округа, то да се...

Сыщик вернулся в Петербург и на службу не пошел. Он уединился дома и еще раз перечитал все бумаги, относящиеся к происшествию в Казани.

Глава 2

Кража, дознание, суд

В ночь с 28 на 29 июня 1904 года в Казанском Богородицком девичьем монастыре было тихо. Утомленные монахини и послушницы спали как убитые. Только что закончилось пребывание в обители священной иконы Смоленской Божьей Матери. Четыре дня по этому поводу шли продолжительные праздничные богослужения. Вымотавшись донельзя, все расслабились. И этим воспользовались воры.

В третьем часу ночи послушница Татьяна Кривошеева вышла из келейного корпуса на двор и услышала крик: «Караул!» Она быстро разбудила работников-мужчин, и все толпой побежали на крики. Звал на помощь сторож Захаров – его обнаружили запертым в подвале колокольни. Когда старика освободили, первое, что он сказал: «Глядите скорее двери у церкви! Несчастье у нас большое – воры меня сюда посадили». Люди кинулись к Богородицкому собору, в котором хранилась главная святыня монастыря – обретенная чудотворная икона Казанской Божьей Матери. У входа сразу же заметили замок с наружных дверей. Он лежал на земле со сломанной дужкой, рядом валялась накладка. Это был верхний замок, нижний остался не сломан. Между створками торчала доска, которой отжали дверное полотно. В образовавшуюся щель вполне мог пролезть взрослый человек. Вторые, внутренние, двери оказались почему-то открыты.

Когда взволнованные люди вошли в храм, то увидели страшную картину святотатства. Две чудотворные иконы – Богоматери и Спасителя – были похищены из киотов. Образы украшали драгоценные ризы огромной ценности. Видимо, клюквенники[5 - Клюквенник – вор, специализирующийся на краже церковных ценностей.] позарились именно на них. Кроме того, пропали деньги из свечных ящиков на сумму триста шестьдесят пять рублей.

Когда рассвело, на место происшествия прибыли полиция и судебный следователь. Они обнаружили в соседнем с монастырем саду дома Попрядухина следы злоумышленников. А именно крышку от садового стола, прислоненную к монастырской стене с той стороны. В этом месте стена была ниже, и с крышки при известной ловкости можно было перелезть внутрь. Рядом в траве отыскивали десять жемчужин и золотой брелок. Монахини опознали их как принадлежащие иконе Богоматери.

Происшествие потрясло не только Казань, но и всю Россию. Икона была обретена в далеком 1579 году. Тогда 23 июня в городе случился сильный пожар. Огонь истребил весь посад и даже часть кремлевских построек. Казань пребывала в горе и унынии. Если верить православным источникам, татары возликовали. Их религиозные вожди использовали несчастье как повод провозгласить торжество магометанства над христианством. И говорили, что Аллах наказал неверных за покорение ханской столицы. Самые решительные добавляли, что надо воспользоваться случаем и восстать против захватчиков... В этих трудных обстоятельствах, когда власть висела на волоске, произошло удивительное событие. Десятилетней девочке по имени Матрена явилась во сне Божья Матерь. И повелела сказать начальникам города, что на месте сгоревшего дома

стрелецкого сотника Онучина (где и начался пожар) скрывается Ее Пречистый образ. Девочка исполнила волю Богородицы. Однако робкий рассказ отроковицы никого не убедил. Даже родители сочли его за детские фантазии. А духовные и светские власти тем более проигнорировали. Божья Мать еще дважды являлась избранному Ею ребенку. Такая настойчивость возымела наконец результат. Восьмого июля на пепелище отправился крестный ход. Поиски были безуспешны до тех пор, пока кто-то в толпе не предложил поручить дело самой Матрене. Девочка с первым же ударом заступа обнаружила икону именно там, где и указывала Богородица. Завернутая в старый вишневого цвета рукав, она была нового письма, светлая и воздушная. И сразу вдохновила людей. Икона тут же явила чудеса: исцелила недужных, вернула зрение слепым. Образ из рук девочки в тот момент принял священник Ермолай. Позднее он постригся в монахи под именем Гермоген, а в 1606 году был избран московским патриархом. Спустя шесть лет поляки заморили его голодом за поддержку ополчения и отказ подчиниться захватчикам.

Казанский архиепископ Иеремия, убедившись в чудодейственной силе находки, написал царю Ивану Грозному. Тот приказал построить на месте обретения деревянную церковь во имя Богородицы и учредить при ней женский монастырь. Еще царь подарил для иконы золотой оклад. Девица Матрена, кстати сказать, обрела себя на монашество и стала потом настоятельницей этой обители под именем Марфа.

Монастырь быстро развивался, его главная святыня пользовалась большой популярностью у верующих. В 1595 году царь Федор Иоаннович велел выстроить каменный храм вместо деревянного, а икону украсить драгоценными камнями из царских сокровищ. Штат монахинь тогда же увеличили с сорока до шестидесяти четырех.

С чудотворной иконы сразу стали делать списки. Сам оригинальный образ невелик: его размеры – пять на шесть вершков[6 - 22,25?26,7 см.]. В русской духовной традиции списки с икон не являются их копиями, это самостоятельные образы, имеющие собственную святость и силу. Два списка иконы Казанской Божьей Матери навеки вошли в историю страны. Один из них сопровождал ополчение Минина и Пожарского в 1612 году, и ему приписывают заслугу в освобождении Москвы от польского ига. Этот образ хранился в приходской церкви Пожарского – храме Введения на Лубянке. В 1633 году он был собственноручно перенесен князем в Казанской собор на Красной площади, где и находился по сию пору. Размер его – пять вершков на шесть с четвертью[7 -

22,25?27,8 см.]. 22 октября 1648 года, в день избавления Руси от нашествия иноплемennых[8 - В этот день польско-литовский гарнизон в Кремле начал переговоры о перемирии, закончившиеся затем изгнанием оккупантов.], у царя Алексея Михайловича родился долгожданный сын Дмитрий. Благодарный монарх распорядился ежегодно отмечать не только 8 июля – день обретения иконы, но и 22 октября; день этот и поныне табельный[9 - Табельный день – непростутственный, выходной.]. С тех пор праздник иконы Казанской Пресвятой Богородицы отмечают два раза в году.

Еще один список попал в Петербург. Там он последовательно сменил несколько храмов, пока в 1811 году не оказался во вновь отстроенном Казанском соборе, что на Невском проспекте. Именно перед ним молился Кутузов перед тем, как ехать на войну с французами. Размер этой иконы всех больше – двенадцать на тринадцать с половиной вершков[10 - 53,4?60 см.], и живопись там уже восемнадцатого века, а не трехсотлетняя. Благодаря этим двум спискам и связанным с ними победам икону Казанской Божьей Матери стали называть заступницей русской земли.

Общее число списков с оригинала давно превысило сотню. Явленные ими чудеса лишь усиливали славу первого образа. В 1767 году в Казань прибыла Екатерина Великая. Она молилась перед иконой и пожаловала на ее украшение корону из крупных бриллиантов. Драгоценные дары так и сыпались на икону. В результате она стала не только одной из главных святынь страны, но и одной из самых ценных по дороговизне оклада. К моменту кражи образ украшали сразу две ризы: золотая и серебряная. Серебряная была сплошь унизана жемчугом, с той самой короной наверху, плюсом на ней помещались 479 бриллиантов, 100 алмазов и 1120 других драгоценных камней. Под ней находилась вторая риза, золотая – дар Ивана Грозного. Она была украшена 18 крупными бриллиантами и 412 драгоценными камнями. Общее число камней на обеих ризах и киоте приближалось к трем тысячам. И вот такая вещь огромной ценности, и духовной, и материальной, пропала.

Образ Спасителя тоже был украшен золотой ризой, на которой помещались 30 бриллиантов и 56 алмазов. Цена убранства достигала семидесяти пяти тысяч рублей. Но эта икона не интересовала старообрядцев, так как была написана после никонианских реформ.

Кража возмутила весь православный мир. Полиция начала дознание, но сперва не могла напасть на след. Тогда ревнители объявили награду тому, кто поможет

найти воров. Сумма росла и с трехсот рублей быстро дошла до четырех тысяч. Это и дало результат. Смотритель Александровского ремесленного училища Вольман пришел в полицейское управление и заявил о своем подозрении. За несколько дней до кражи ювелир Максимов заказал в мастерской училища необычные разжимные щипцы. Ювелир пояснил, что они необходимы ему для растягивания золотых колец. Щипцы эти, по мнению Вольмана, очень подходили для взлома замка на воротах собора. Замок висел так, что перекусить его дужку снаружи было невозможно. И она оказалась выдавлена изнутри. Когда замок принесли в училище, кузнец Александров сказал: «Не нашей ли машинкой сломали?» И смотритель тотчас же отправился к полицмейстеру Панфилову.

Максимов был известен полиции как скупщик краденого и вообще темная личность. Вызванный на допрос, он сначала отпирался. Но по предъявлении свидетелей – Вольмана и мастера Казакова, изготовившего щипцы, – сознался. Их попросил изготовить некий Федор Чайкин. Он приехал в Казань зимой и вел праздную жизнь, выдавая себя за богатого виноторговца. Чайкин часто покупал у ювелира драгоценные вещи, не скупясь на оплату. Торговец дорожил богатым заказчиком и потому согласился по его просьбе заказать щипцы от своего имени. Зачем они понадобились клиенту? Тот утверждал, что для виноградного дела.

Затем случился инцидент, обычный в русской полиции. Ювелира посадили в камеру при Первой части. Вскоре туда явились двое: помощник пристава Смородский и околоточный надзиратель Тутышкин. Без лишних слов они повалили арестованного на кровать и начали избивать кулаками и ножнами шашек. Не выдержав истязаний, Максимов признался, что кражу в соборе произвел он. А Чайкин стоял на стреме. Торжествующие держиморды потащили бедолагу к полицмейстеру. Там Максимов повалился в ноги к начальству и попросил не бить – он оговорил себя. Панфилов обещал, что больше его не тронут, и услышал наконец правду.

Кража в летнем Богородицком соборе произошла в ночь на Петров день. Первого июля «Казанский телеграф» опубликовал подробности происшествия. А второго к ювелиру пришел Чайкин, который сам был неграмотный, и спросил: «Чего читаешь?» Хозяин ответил: «Да вот о краже. Кто бы мог такое сделать?» На этих словах гость прикрыл дверь, вынул револьвер и сказал: «Вместе покупали, а будешь болтать – вот!» Вечером того же дня Максимов принес Чайкину по его просьбе плавильную лампу. Тот чуть не силой заставил сообщника отобедать и выпить водки. За обедом заявил: «Мы это сделали вдвоем, иконы порубили.

Мамаша жгла и плакала, она у нас плаксивая». Под мамашей вор имел в виду свою тещу Шиллинг, с которой жил под одной крышей. Затем он снова угрожал ювелиру револьвером, а жена его, Прасковья Кучерова – ножом. Запуганный барыга обещал молчать. Еще он взял у Чайкина на продажу большое количество жемчуга и часть его уже успел сбыть.

После такого признания полиция начала розыски главного злодея. Оказалось, что он вместе с женой уплыл на пароходе «Ниагара» в Нижний Новгород. В нижегородское полицейское управление полетела телеграмма. Чайкин жил в доме Шевлягина в Академической слободе. В его квартире устроили обыск, но безрезультатно. Нашли лишь заряженный револьвер, номер «Казанского телеграфа» с описанием кражи и двадцать шесть слесарных инструментов.

Также полиция установила, что 2 июля Максимов продал полученный от беглеца жемчуг мещанам Вичуг и Поляк. Его отобрали и показали монахине Варваре, которая ухаживала за иконами. Та признала жемчуг как принадлежавший к окладу Казанской Божьей Матери.

Тогда полиция провела на квартире Чайкина повторный обыск. И он дал совсем другие результаты. В кармане старой юбки Шиллинг нашли черновик телеграммы в город Обоянь некоему Ананию Комову: «Выезжай немедленно в Казань. Федор». В поддувале висячей лампы обнаружили две поддельные печати, в русской печи на поду – куски пережженной проволоки. Когда подобрали, там отыскалось 205 зерен жемчуга, перламутровое зерно, камешек розового цвета и кусочек серебра с двумя розовыми камешками. Варвара и их признала похищенными с иконы. Еще под тем же подом лежали завернутые в тряпку 26 обломков серебряных украшений с камнями и без, алмазик и кусочек золота. В другой тряпке находились 72 обрезка золотой ризы, на одном стояла дата «1769». Рядом безо всего валялись вызолоченные обрезки другой ризы и венца с образа Спасителя, пластинка с надписью «Спас Нерукотворный» и убрус, смятый в комок.

Другие открытия поджидали полицию в гостинной. Одна из ножек стола оказалась выдолбленной и закрытой пробкой на винте. Когда ее сняли, внутри обнаружили семь завернутых в газету свертков. В них лежало общим числом 439 разноцветных камней, 6 ниток жемчуга, 246 отдельных жемчужин, несколько серебряных гаек, обломков и кусков проволоки. В чулане отыскивали еще три жемчужины и серебряную проволоку. В сенях, в кадке с водой валялись серебряная гаечка и обломок серебряного украшения с двумя камушками. На

дворе – расколотый камешек и обрывки серебряных ниток. В сарае в сору на поддонке – камешки, мелкий жемчуг, гаечки, обломки украшений, серебряные проволока и пластинки. Дом и двор оказались усыпаны мелкими драгоценностями. Кроме этого, полиции достались лампа для плавки металла, кровельные ножницы и каратные весы.

Самая страшная находка обнаружилась в железной печке в сенях. Там среди золы отыскивали семнадцать железных петель, четыре обгорелые жемчужины, два гвоздика, две проволоки, кусочек слюды, клочки бархата, а еще часть доски с заgroundовкой и позолотой. Та же монахиня Варвара пояснила, что икона Казанской Божьей Матери была обшита бархатом. А петли и гвоздики – с ее оклада.

В Нижнем Новгороде тем временем арестовали семейную пару, которая предъявила паспорт на фамилию Сорокин. Это оказались Чайкин и его сожительница Кучерова. Их вернули в Казань. Вора заковали в кандалы, запретили переписку и свидания с родными и начали допрашивать. Попытки не применяли, но нажимали сильно.

Чайкин сразу же заявил, что икон не трогал. Их-де украл Максимов, а он только приобрел у ювелира ценности с окладов. Да, виноват в скупке заведомо краденного, ешьте с кашей. И вообще, он давно отошел от воровства, которым промышлял в молодые годы, и стал барыгой. Этим и живет – не по закону, конечно, но все ж без прямого преступления. «Я скупаю, но сам не ворую – скупать честнее».

Еще Чайкин рассказал, что его настоящее имя – Варфоломей Стоян, он крестьянин села Жеребцово Александровского уезда Екатеринославской губернии, по ремеслу кузнец. Сейчас ему двадцать восемь лет. В детстве отец жестоко с ним обращался, заставлял работать не по возрасту, и он мальчиком убежал в город. Там сошелся с ворами, вел дурной образ жизни. Но, повзрослев, решил стать честным человеком. Познакомился в Мариуполе с Кучеровой и увел ее от мужа. Тот служил в полиции, а прежде тоже был вором! Прасковья забрала сына и дочь и уехала с Чайкиным. Варфоломей купил бакалейную лавку на имя новой жены, и у них вроде бы наладилась нормальная жизнь. Но обиженный супруг нашел беглецов, написал донос, что Чайкин живет по чужому паспорту. Пришлось снова бежать. Кучеров забрал сына, а неверную жену с дочкой Женей отпустил. И вот теперь скупщика краденного обвиняли в святотатстве, а вор-то Максимов, с него и спрашивать надо.

Между тем полиция арестовала сообщника Чайкина-Стояна, карманника Анания Комова. Его выдали женщины. Они вообще разболтали много лишнего. Любовница главного обвиняемого, ее мать и даже дочка – каждая внесла свою лепту. Больше всех наговорила Евгения. В свои девять лет она оказалась весьма развращенной. Евгения сообщила, что ее папаша – ловкий вор, она видела его и в полицейской форме, и в рясе – переодевался для краж. Еще рассказала, как Чайкин рубил иконы топором, прежде чем сжечь. Следствие сначала обрадовалось разговорчивому свидетелю. Но потом ребенок понес такое, что пришлось исключить его из процесса. Например, Евгения утверждала, что Чайкин накануне кражи познакомил ее со сторожем Захаровым. И пояснил дочке, что этому старику обещано сто рублей за помощь в похищении. Понятно, что опытный вор не стал бы посвящать ребенка в такие подробности. Далее девочка сообщила, что родители собираются отослать ее в женский монастырь на Рогожском кладбище. И в качестве платы за содержание старообрядцам обещана икона Божьей Матери, которая не погибла. Чайкин замуровал ее в русской печи. Сыщики разломали печь и, разумеется, ничего не нашли. После этого юную врунью перестали допрашивать, но следы ее рассказов нет-нет да встречались в доводах обвинения.

Комова арестовали в собственной деревне – селе Долженково Обоянского уезда Курской губернии. Причем, заведя полицейских, он стал от них убегать и успел сунуть в руки шедшего мимо родственника пачку банкнот. Мужик сдал деньги полиции: сумма оказалась немаленькой – пятьсот сорок рублей. А на шее жены Комова висел золотой медальон с девятью жемчужинами, снятый с пропавшей иконы. Казалось бы, абсолютная улика. Однако Чайкин стал выгораживать сообщника. Да, медальон с иконы. Куплен у вора, у Максимова, вместе с жемчугом и обрезками риз. Чайкин подарил его приятелю по доброте душевной. Приятель занимался карманной выгрузкой, вот он и вызвал его телеграммой на празднование иконы Смоленской Божьей Матери – в толпе богомольцев удобно шарить по карманам.

Вся защита Чайкина-Стояна рухнула, когда полиция допросила покупателей жемчуга. У одной из них, скупщицы краденого Поляк, при обыске нашли ломбардные квитанции. Оказалось, что по ним заложены жемчуг и ризы с похищенной в Ярославле иконы Знамения Пресвятой Богородицы. Ценности эти женщине передал для реализации именно Чайкин. Следствию стало очевидно, что он клюквенник, а не барыга. И это не первая его кража.

Сыщиков интересовала судьба самих икон. Поскольку воры все отрицали, то стали допрашивать их окружение. Шиллинг сперва показала, что иконы уничтожили у нее на глазах. Потом спохватилась и начала говорить: я-де ничего определенного не видела. Чайкин и Комов рубили на дворе какие-то доски. А потом сожгли их в железной печке. Но точно ли это были образы Спасителя и Божьей Матери, знать не могу. Может, дрова кололи на растопку?[11 - Газеты почему-то особенно невзлюбили именно Шиллинг. Несмотря на то что ей было всего 49 лет, в прессе ее именовали «отвратительной старухой типа сводни».]

Ее дочь Кучерова подтвердила слова Максимова. Да, при ней Чайкин сказал ювелиру, что мамаша спалила иконы, плакала и жгла. Но мало ли что говорится? Сама она не присутствовала при таком святотатстве и не может ни подтвердить его, ни опровергнуть.

25 ноября 1904 года начался суд над похитителями. Он вызвал огромный интерес, в зал невозможно было попасть. Следствие как-то удивительно быстро передало дело обвинению. Словно торопилось закрыть его, хотя оставалось много невыясненных вопросов. Например, если сторож видел четверых грабителей, то кто другие два? Или куда пропали бриллианты с обеих икон? Жемчуг почти весь был найден, а бриллианты огромной ценности исчезли бесследно. Когда у Чайкина спросили, где камни, тот ответил: лежали в коробке в ящике комода. Но пришла полиция, сделала обыск, и после этого они исчезли. Ищите среди своих! Позже вор сказал загадочную фразу: «А может, я и сам их найду? Ведь не на век же дадут каторгу». Перед бегством в Нижний Новгород Чайкин полдня ходил по оврагам позади своего дома. Возможно, он что-то там прятал. Полицмейстер кинул клич, и овраги принялись обыскивать тысячи людей. Помимо полиции, в этом участвовали все окрестные обыватели. Монахиня из Богородицкого монастыря нашла зарытые инструменты: три долота и ножницы по металлу. Но ничего ценного всем миром обнаружить не удалось.

На суде личность главного злодея была раскрыта во всех подробностях. Чайкин-Стоян неоднократно арестовывался полицией. И так же неоднократно бежал с большой ловкостью. Он обокрал пять храмов. При попытке ареста ранил полицейского в Ростове-на-Дону. Под Кременчугом в составе банды ограбил четверых проезжающих; банда скрылась на их же лошадях. В Дубне пытался почистить богатого еврея, но его жена подняла крик, и вор довольствовался лишь сорванными с жилета часами. В Таганроге Чайкин взломал лавку, связав сторожа. Одним словом, отчаянный рецидивист. Для такого нет снисхождения.

Перед судом предстали Чайкин, Комов, Максимов, Кучерова, ее мать Шиллинг и сторож Захаров. Быстро выяснилось, что против последнего улик недостаточно. Прокурор пытался доказать, что поведение Захарова подозрительно. Его-де сбросили в подвал, где тот должен был перепачкаться в кирпичной крошке, а работники извлекли старика оттуда чистым. Значит, никто его туда не сбрасывал, это все имитация и сторож – пособник воров. Защита шутя разбила эти доводы.

Шиллинг играла дурочку, плакала и утверждала, что в полиции ее били и запугивали. Вот она и оговорила зятя. И тем более не жгла никаких икон.

Ее дочь Кучерова ничего не видела. Муж куда-то уходил в ночь на Петров день, а потом принес жемчуг. Купил у Максимова, откуда же еще?.. Про судьбу икон ничего не знает. Что показала на допросе, не помнит. В полиции ей сделалось дурно. Может, и наговорила лишнего, будучи в невменяемом состоянии – не ведала, что творит.

Максимов подтвердил свои показания: он лишь перекупщик, а крал Чайкин. Один или вместе с Комовым, ювелиру неизвестно.

Чайкин-Стоян вел себя на суде дерзко, рисовался перед публикой. Отрицал свое участие в краже, соглашаясь лишь на роль барыги. Показания тещи против себя поднял на смех. Вот тут Максимов рассказал, как в полиции его мучили. Так же лупцевали и пожилую женщину, она сама это подтверждала. Какая же вера показаниям, выбитым таким способом? А сжечь святые образа она никак не могла. Елена Ивановна – глубоко верующий человек, без крестного знамения за стол не садится. У нее рука бы не поднялась. И если бы правда видела, что зять жжет иконы, обязательно донесла бы на него, не побоялась. Да и сам он, крестьянин Стоян, православный и никогда не стал бы губить святые образа. А в полиции с ним обращались жестоко, отобрали и не вернули крупную сумму денег, и вообще...

Комов признался, что он вор-карманник и в Казань приезжал за добычей. Но денег не натырил и уехал ни с чем. Медальон подарил Чайкин со своих барышей – он хорошо нажился, купив камни у Максимова.

В результате никто из обвиняемых своей вины не признал.

29 ноября суд присяжных вынес приговор. Крестьянин Варфоломей Андреев Стоян, двадцати восьми лет, и крестьянин Ананий Тарасов Комов, тридцати лет, были лишены всех прав состояния и сосланы в каторжные работы на двенадцать и на десять лет соответственно. Отставного младшего унтер-офицера Николая Семенова Максимова приговорили к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, а также воинского звания и к помещению в исправительное арестантское отделение на два года и восемь месяцев. Мещанку города Мариуполя Екатеринославской губернии Прасковью Константиновну Кучерову, двадцати пяти лет, и мещанку города Ногайска Таврической губернии Елену Ивановну Шиллинг, сорока девяти лет, – к заключению в тюрьму сроком на пять месяцев и десять дней каждую. Мещанин Федор Захаров был оправдан.

Суд завершился, осужденных развезли по тюрьмам, но слухи вокруг закрытого дела продолжались. Многие говорили, что к краже святой иконы причастны японцы. Хотели, мол, подорвать русский дух и получить перевес в войне. Какая связь между кузнецом из Екатеринославской губернии и японским генштабом – этих людей не интересовало. Еще больше досталось старообрядцам. В первую очередь обвиняли поморское согласие[12 - Поморское согласие (они же беспоповцы) – один из самых влиятельных старообрядческих толков.], сильное в Казани. Кивали и на белокриницкое согласие, правящее в Москве. Многие вслух называли Рогожское кладбище как место, где спрятан образ Пресвятой Богородицы. Тем более что болтливая девочка Женя упоминала об этом. Похоже, что, кроме прокурора, в гибель иконы никто не поверил.

Глава 3

Первые сюрпризы

Лыков получил открытый лист за подписью Столыпина. Как тот и обещал, выражения в бумаге оказались сильные. Отдельно сыщику дали письмо военного министра к командующему войсками Казанского военного округа генералу Карассу. Но пояснили: дни Карасса на этом посту сочтены, и бумагу, возможно, придется переделывать. Тот не подписал ни одного смертного приговора по решению окружных военно-полевых судов. Террористы, которых безжалостно вешали по всей России, в Казани уходили от петли. Премьер-

министр обратился к государю с требованием заменить мягкотелого генерала. Не время для жалости!

В дополнение к бумагам Алексей Николаевич получил тяжелый сверток с империалами. Пять тысяч рублей на расходы из личных сумм императора ему выдали золотом. Сыщик прикинул: если пропавший образ стоит миллион, то на его поиски августейшая семья готова потратить полпроцента от этой суммы. Негусто, особенно если от результата зависит судьба династии. Но пора было приступать к дознанию. И тут начались неожиданности.

Во-первых, оказалось, что Ананий Комов только что обратился к властям. Он заявил, что за двадцать тысяч готов указать место, где спрятан образ! Вор отбывал десятилетнюю каторгу в Александровском центре. Коллежский советник сказал своему помощнику:

– Ну, Сергей, сбылась твоя мечта.

– Какая? – удивился Азвестопуло.

– В Сибирь поедешь, на каторгу.

– А разве я об этом мечтал?

– Теперь не имеет значения, – усмехнулся Лыков. – Взрослый уже, «наган» носишь.

– Не «наган», а «маузер»! – по-детски обиделся грек.

– Тем более. А на каторге так и не был. Пора расширить кругозор! – И объяснил коллежскому секретарю задачу.

Тот поллюбопытствовал:

– А вы куда? В Казань?

– Так точно.

– Но я с вами хочу!

Лыков ответил на этот раз серьезно:

– В казанском деле ты будешь мне помощником. Куда я без тебя? Но выпячивать твою роль перед начальством не стоит. Вдруг дознание не удастся?

– И что тогда?

– Тогда меня, возможно, пошлют исправником к черту на выселки. Хвосты коровам крутить. А может, не коровам, а северным оленям.

Азвестопуло возмутился:

– Не должно такого случиться! Любое дознание может кончиться неудачей. Это же сыск. Потом, что такое удача и что – неудача?

– Не забывай, с кем мы имеем дело. Для государыни успех – если я принесу ей икону в наволочке. Но ты же понимаешь, что это маловероятно.

– Да. А?..

– Понимаешь, вот и молчи, – не дал высказаться помощнику шеф. – Я исправником в Жиганске служить не буду, подам в отставку. Имение прокормит. А ты куда денешься, нищеврод?

Это было болезненное место Азвестопуло, и тот не нашел, что возразить.

– То-то, – закончил спор Лыков. – Помогать мне будешь, никуда не денешься. А начальство мы уведомим об этом лишь в том случае, если найдем икону. В чем лично я сомневаюсь. Если же нас ждет крах, что намного вероятнее, то лучше тебе отсидеться в тылу. Понял?

– Ну, понял.

– Тогда поезжай в Иркутск, допроси Комова. А Казань я обследую без тебя. Понадобишься – вызову.

Они долго разбирали, как Азвестопуло провести допрос. Чего вор хочет на самом деле? Денег в обмен на Богоматерь? Но зачем они ему на каторге? Ведь приговора с него никто не снимет. Или Комов рассчитывает получить и двадцать тысяч, и свободу? С государя станется – все в его власти. Однако цели каторжника следовало выяснить. Далее нужно было узнать, как Ананий собирается указать тайник? Нарисует на бумажке план и поставит крестик, будто в книжке «Остров сокровищ»? Но икона вряд ли закопана в землю. Вернее всего, она хранится где-то в молельне. Если вообще уцелела. Заявление клюквенника, видимо, уловка с целью потянуть время. Пойдут допросы, вызовут его в Казань – все развлечение. Лучше, чем кайлом махать. А там, глядишь, и побег может получиться. Все это Азвестопуло должен держать в голове и сделать правильные выводы из беседы.

Покончив с Комовым, Лыков взялся за Чайкина. И тут его ждал второй сюрприз. Оказалось, что тот до каторги не доехал. 22 октября 1905 года главный персонаж казанского дела бежал из тюрьмы. Это случилось в Мариуполе. Хитрый вор сболтнул на допросе, что совершил там ряд преступлений. Простак следователь перевел его в Мариуполь разобрать провинности. Чайкину только это и нужно было. Он бежал посредством подкопа и исчез. Но ненадолго. Через месяц полиция пресекла ограбление ювелирного магазина в Ярославле. Дело было темное; похоже, имела место провокация. Чайкина заманили на грант[13 - Грант – ограбление (жарг.)], где его ждала засада. При аресте вор оказал сопротивление, и теперь ему светила по совокупности бессрочная каторга. Следствие еще продолжалось. Лыков выехал в Ярославль.

Чайкин-Стоян сидел в одиночной камере корпуса предварительного заключения. Лыков с интересом ждал встречи с ним. Каков вблизи самый знаменитый преступник России? И вдруг знакомство пройдет удачно? Ведь злодей явно утаил от следствия немало важной информации. В том числе о судьбе бриллиантов на сумму около ста пятидесяти тысяч рублей. Столько стоили камни с обеих пропавших икон, которые так и не нашли. По версии Лыкова, бриллианты хранились у сообщников, и Чайкин надеялся когда-нибудь получить свою долю. Теперь, когда речь шла о пожизненной каторге, вор мог с отчаяния и открыться.

Когда Алексей Николаевич увидел Стояна, то сразу понял, что эти его надежды бессмысленны. Заключение вошел в допросную комнату с высоко поднятой головой. Прямая спина, гордая осанка, ироничный взгляд. Нет, он не сломлен, и отчаяния на лице не было видно. Но попробовать все равно стоило.

– Добрый день, Варфоломей Андреевич. Я коллежский советник Лыков из Департамента полиции. Приехал по вашу душу.

Преступнику понравилось уважительное обращение, и он поклонился – чуть-чуть шутовски, но тоже вежливо:

– Здравствуйте и вы, господин Лыков. Что случилось? Аж в самом Петербурге заинтересовались моею персоною.

Сыщик и вор сели, как добрые приятели, за стол. Принесли чай, и Стоян с удовольствием отхлебнул из стакана:

– Хороший! Давно такого не пил.

Несколько минут собеседники приглядывались друг к другу. Лыков окончательно убедился, что у Чайкина сильный характер. Такого человека не запугаешь. Чем больше будешь стращать, тем злее он станет сопротивляться. Только вежливость заставит его говорить. И лишь до того предела, который вор сам положит.

Тем не менее сыщик попробовал сразу огорошить собеседника:

– Слышали новость? Комов обратился к властям. За двадцать тысяч рублей он готов показать, где спрятана икона Богоматери.

Чайкин-Стоян рассмеялся:

– Да неужто? Вот ловкач Ананий. Указать то, чего сам не знает. Ну, удачи вам, сыщикам. Вызовите его в Казань, пусть ходит по улицам и пальцем тычет. Только присматривайте внимательно, а то утекет.

Новость не испугала клюквенника, а лишь развеселила. Лыков понял, что поездка его помощника в Иркутск не имеет смысла.

– Попробуем по-другому, – продолжил он, стараясь держать лицо. – Я, перед тем как увидеться с вами, встретился с прокурором. Он дописывает обвинительную речь.

– И что? – сквозь зубы спросил вор. Веселость сразу слетела с него.

– Да то. Плохо ваше дело, Варфоломей Андреевич. Подвиги ваши, ежели считать по совокупности, тянут на пожизненную каторгу.

– У нас нет пожизненной! – резко перебил Чайкин.

Лыков, не обращая внимания на его слова, стал загибать пальцы:

– За ту кражу в Казани полагается двенадцать, за побег еще пять, за попытку вооруженного ограбления магазина в условиях чрезвычайной охраны, плюс пятнадцать, за сопротивление полиции при задержании, плюс десять. Итого, сорок два года каторжных работ. Судьи ничего суммировать не станут, а сразу выпишут бессрочную. Припомнят ваше святотатство жуткое и церемониться не захотят. По прибытии на каторгу, тут вы правы, пожизненное заменят на двадцать лет. Амнистии и манифесты на вас распространяться не будут. Если доживете – еще пятнадцать на поселении в отдаленных местностях Сибири. Итого, тридцать пять годов. Вам сейчас сколько, тридцать? Вернетесь в Казань шестидесяти пяти лет от роду. Веселая перспектива, нечего сказать.

Чайкин сверлил сыщика взглядом:

– Вы чего от меня хотите, господин коллежский советник?

– Да правды, чего же еще. А вы считаете себя умнее всех. Вот и допрыгались. Бриллиантов теперь вам точно не видать.

– Каких еще бриллиантов?

– Тех самых, с риз от похищенных вами икон. Сколько там, на сто пятьдесят тысяч? Даже если барыги сделают скидку, сумма все равно солидная. На всю жизнь хватит. Кому-то, только не вам.

– Не понимаю, о чем вы, – отрезал вор. – Бриллианты украла полиция при обыске, у них ищите камни.

– Будет, будет. Кто их взял, околоточный надзиратель Тутышкин? Или полицмейстер Панфилов?

– Я откуда знаю?

– Если бы было так, как вы говорите, укравший камни вышел бы в отставку. Уехал бы куда подальше и там внезапно разбогател. Купил бы трактир или доходный дом либо положил бы крупную сумму в банк. Никто из чинов казанской полиции, что вел ваше дело, в подобном не замечен.

– Хитрые, время тянут!

– Два года прошло, и до сих пор тянут? Полноте, господин Стоян. Я же не считаю вас за дурака. Уважьте и вы меня. Давайте говорить, как умные люди.

– Ну?

– Камни, конечно, на руках у ваших сообщников. Полагаю, вы сами вручили им ценности, опасаясь ареста. И уговор меж вами таков: сбегу – заберу, а вы пока караульте. Взамен за услугу вы обещали сообщникам не выдавать их.

Чайкин слушал молча, сохраняя невозмутимость.

– Почему же не забрали свою долю, когда бежали из Мариуполя? Или ребята от вас прячутся? И пришлось с голоду ювелирный магазин в Ярославле ломать. Будучи владельцем целого состояния.

У клюквенника глаза стали злые-презлые, однако он по-прежнему молчал.

– Но теперь все переменялось, – продолжил сыщик. – Вы сделали ошибку, когда залезли в магазин. Огромную ошибку, и она будет стоить вам жизни. Бриллианты теперь вам не отдадут, ибо можете поставить на себе крест. Или рассчитываете сбежать снова? Это навряд ли.

– Почему? – нехотя поинтересовался Чайкин.

– Сейчас поясню: меня к вам послала государыня. Ни больше ни меньше.

Лыков замолчал, но вор будто и не удивился и ждал продолжения.

– Она предлагает пять тысяч любому за открытие иконы. Не хотите воспользоваться таким случаем?

– Где ж я ее возьму, эту икону? – ухмыльнулся клюквенник. – Комов обещает, с него и спрашивайте. А я не могу обещать того, чего в мире не существует.

– Даже так?

– Вы хотели говорить, как умный с умным, – напомнил Чайкин. – Значит, читали судебные бумаги. Что я тогда заявил? Кража икон – не мой грех. Максимов, чувашин[14 - Максимов был чуваш по национальности.], упер, а с меня спрашивают! Где я вам образ возьму, если я его в глаза не видел?

– Варфоломей Андреевич, все же вы меня не слушаете. И продолжаете прикидываться дурачком. Зря, ей-богу. Я продолжу про государыню. Именно она послала меня сюда. Точнее, она повелела провести повторное дознание. Не верит, что Богоматерь сгорела в железной печке. Признайтесь, вы ведь сожгли там вторую икону, Спасителя. Так? И приклад от Богородицы, с бархатом и гвоздиками.

Чайкин по-прежнему не произносил ни слова. Лыков кивнул:

– Не хотите говорить. Ну, слушайте, почему вам никогда не удастся новый побег. Ее Величество сжалится, если вы вернете икону. Облегчит вашу участь, даст, может быть, денег. Снимете грех с души, хотя, кажется, для вас это не имеет значения. А вот ежели вы не откроете, у кого образ, тогда ваше положение

станет безвыходным. Потому что царская чета обидится. Им очень нужна эта икона! И вина на вас, и по бумагам, и по совести. Откажетесь – каторга в самой страшной тюрьме. Следить будут так, что о побеге и мечтать не придется. Сгниете в рудниках. А бриллиантами вашими воспользуются другие люди, которые в храм не лазили, в суде не были, кайлом не махали. Разве это справедливо?

Чайкин понурил голову. Алексей Николаевич ждал. Сейчас или никогда? Кто знает?.. Но клюквенник – человек с характером. Если речь Лыкова не подействовала, то придется уйти ни с чем. Видимо, вор еще не до конца потерял надежду, что сообщники вытащат его на волю. Тогда ничего не попишешь...

Так и получилось. После минуты размышлений Чайкин-Стоян поднял голову, глянул на сыщика с вызовом и дерзко заявил:

– Не понимаю, о чем вы. Ищите иконы у Максимова.

– А может, у Василия Шиллинга? – в лоб задал вопрос коллежский советник.

Это была вторая его догадка. Сторож Захаров говорил, что в монастырь залезло четверо грабителей. А суд без объяснений отменил его свидетельство и осудил двоих. Лыков внимательно изучил акт дознания казанской полиции. На его страницах не раз мелькало названное имя. Василий Шиллинг приходился сыном «отвратительной старухи типа сводни» и братом Прасковьи Кучеровой. Видимо, все их семейство отличалось порочностью. Василий был вором-рецидивистом и не вылезал из тюрем. Лыков предположил, что он состоял в банде Чайкина и был одним из тех, кто в ночь на 29 июня пробрался в Богородицкий монастырь.

Стоян хохотнул, но несколько фальшиво, и ответил:

– Вот и попали пальцем в небо. А еще коллежский советник! Васька об эту пору в тюрьме сидел за грабеж. Справьтесь и узнаете.

– Уже справился, – парировал сыщик. – Да, Шиллинг был под следствием за попытку ограбить табачную лавку в Лаишеве. Только угодил в тюрьму он третьего июля. Вскоре после Петрова дня. И лез воровать как-то чудно, словно хотел, чтобы его поймали. А может, и правда хотел? Отсидеться в другом городе по мелкому делу, чтобы не заподозрили, что он замешан в крупном? А?

Чайкин-Стоян молча отвел глаза.

Верна догадка! Ободренный сыщик продолжил:

– И вот хочу я сделать Ваське испытание. Положу перед ним пять тысяч золотом, что дала мне царская фамилия. И предложу в обмен на икону. Как думаете, что выберет Шиллинг?

Вор крикнул с досады и ответил:

– А попробуйте. Мне самому интересно. Он, конечно, не семи пядей во лбу, но должен догадаться.

– О чем?

Чайкин опять отвел глаза. Но Лыков настаивал:

– О чем догадается Шиллинг? О том, что четвертый сообщник не обрадуется и отомстит?

– Какой еще четвертый, что вы несете! – рассердился вор.

– Ну как же, – возразил коллежский советник, высказывая последнюю из своих догадок. – Тот, кто все устроил.

– Что «все»?

– Продажу иконы.

Вор уставился на сыщика, и тот понял, что угадал.

– Да, продажу. Ведь именно образ Богоматери был главной целью кражи, не так ли? Или вы действительно такой недоумок, что спалили вещь, за которую можно выручить миллион? Не верю.

Чайкин смотрел во все глаза и слушал отстраненно, не соглашаясь, но и не отрицая. Алексей Николаевич продолжил:

– Именно этого человека вы и боитесь. Именно с ним и заключили сделку.

– Но...

– Какую сделку? – опередил вора Лыков. – Вы поделили добычу: вам бриллианты, а ему икону. Почувствовав, что вас вот-вот арестуют, вы отдали камни номеру четвертому на хранение. И теперь не хотите его выдавать. Надеетесь, что он поможет вам бежать и вручит тогда вашу долю. Так ведь? Глупо, Варфоломей Андреевич. Не удастся вам сдернуть с бессрочной каторги. И этот человек будет ждать вас тридцать пять лет? Вы верите в такую чушь? Потом, если даже случится вдруг невозможное и вы действительно удерете... Что тогда? Думаете, этот четвертый вернет бриллианты? Выгоднее ему будет вас убить.

В комнате повисла тишина. Лыков высказал все свои предположения и понял, что угадал. Был третий сообщник, и это именно Василий Шиллинг. И был четвертый, самый главный, что и организовал «кражу века». Даже Чайкин, калиброванный, гордый человек, не склонный никому подчиняться, лишь винтик в этом преступлении. А над ним стоит кто-то крупный и страшный, кого опасно выдавать.

А еще Лыков убедился окончательно, что икона цела.

Чайкин опять задумался, на этот раз всерьез. Алексей Николаевич не торопил вора. Речь шла о его жизни и смерти – пусть решит спокойно. В душу ему не заглянешь, а решение клюквенника придется принять. И если тот откажется признаваться, значит, так тому и быть. Лыкову придется искать ответы самому.

Наконец Чайкин решился. Он встал и, глядя сыщику прямо в глаза, заявил:

– Повторяю: иконы ищите у чувашина. Ложно обвинили, несправедливо осудили, а теперь хотите, чтобы я сознался в том, чего не делал? Пусть меня вернут в камеру, голова раскалывается.

– Черт с тобой, подыхай на каторге, – сорвался сыщик. – Я все отыщу и без тебя. Пошел с глаз долой!

Лыков остался недоволен допросом. Не сдержался, нахамил арестанту, который не мог ответить. Хотя как раз на это ему было наплевать. Жалко было, что правда ускользнула между пальцев! Ведь он ее уже почти ухватил, да не удержал. Был миг, когда Чайкин хотел сдаться. Еще бы чуть-чуть. Но он не нашел нужных слов. Плохо, плохо... Теперь действительно придется идти по старому следу, трясти сообщников, торчать в этой Казани.

Коллежский советник явился на полицейский телеграф и отбил Трусевичу шифрованную депешу. В ней он сообщал, что Чайкин ни в чем не сознался и надеется на побег. Надо усилить его охрану и контролировать переписку. Лыков заключил рапорт словами, что выезжает к месту преступления и начинает поиски.

Он сел в вагон, когда по перрону пробежал газетчик с криком:

– Покушение на Столыпина! Взрыв дачи премьер-министра на Аптекарском острове! Горы трупов и искалеченных! Последние новости из Петербурга...

Подорвали дачу, на которой они встречались с премьер-министром всего неделю назад! Лыков купил газету, сел на место и раскрыл номер. Там сообщалось, что сегодня около четырех часов пополудни на летнюю дачу министра внутренних дел явились террористы. Не то трое, не то четверо – выжившие называли разную цифру. Время было приемное, и обе комнаты для ожидания оказались битком набиты просителями. В эту гущу ни в чем не повинных людей негодяи и швырнули свои бомбы. Сами при этом погибли, но черт бы с ними. Подсчет жертв еще не закончен, однако покойницкая Петропавловской больницы, куда свезли тела, едва вместила всех. Еще больше раненых. Достоверно известно, что погибли пензенский губернатор Хвостов, генерал Замятин и княгиня Кантакузен. Многих невозможно опознать, так изувечены их тела. Среди прочих – неизвестная женщина на восьмом месяце беременности... Сам Столыпин не пострадал, его лишь обдало чернилами из пролетевшей над головой

чернильницы да стукнуло сорванной с петель дверью. Но его двенадцатилетняя дочь серьезно покалечена, и контужен малютка сын. После взрыва премьер-министр сохранил поразительное хладнокровие и лично помогал спасать раненых.

Сыщик закрыл газету и долго невидящим взглядом смотрел в окно. Дачу на Аптекарском острове охраняли, вместе с жандармами, чины петербургской полиции. Многих из них Алексей Николаевич знал лично. Если взорваны обе приемные, значит досталось и им. Охрана всегда в дверях, на переднем крае. Кто погиб, кто уцелел? Эх, канальское время...

Глава 4

В восточной столице

Лыков проснулся от выстрелов и не сразу сообразил, что происходит. Вчера он проехал Рязань. Добираться пришлось через Москву, и питерец подивился на левостороннее движение по московско-рязанской ветке, единственное в России. Сев в Первопрестольной на казанский поезд, сыщик сразу вспомнил рассказы о его неудобствах. Действительно, Рязанско-Казанская ветка тупиковая, по оборотам одна из беднейших в стране. Моста через Волгу нет, и неизвестно, когда он появится. Ехать от Москвы до Казани долгих сорок девять часов.

Хмурый проводной шваркнул перед пассажиром стакан с чаем так, что залил скатерть... Лыков не стал скандалить, выпил чай и постарался скорее заснуть. И проснулся на рассвете, от пальбы!

Он вскочил и первым делом запер дверь изнутри. Потом полез в саквояж и вынул «маузер». Пассажир напротив, толстый купец в розовом исподнем, ахнул и нырнул под одеяло. Сыщик прислушался. Стреляли совсем рядом, из коридора в соседнюю половину спального купе. Оно было отделено от лыковского раздвижной ширмой. Там, сыщик заметил это еще вечером, ехали двое: пожилой артельщик с холщовым портфелем и жандармский унтер-офицер. Видимо, артельщик вез денежную сумму, а унтер охранял его. Тогда, скорее всего, произошло нападение. Но что с соседями? Живы ли они?

Словно в ответ на мысли сыщика, за ширмой один за другим грохнули три выстрела. В коридоре ойкнули и засуетились. Прямо в шаге от Лыкова слышны были ругань и звуки боя: звенели падающие гильзы, кто-то перезаряжал оружие.

Нападение, это точно нападение. Террористы или просто бандиты – грань между ними делалась все тоньше – рассчитывали на внезапность. Но ошиблись. Жандарм, молодец, не спал и был начеку. Дверь бандитам открыть не удалось, а когда начали в нее стрелять, унтер-офицер дал сдачи. И теперь ребята находились в замешательстве. Лезть на пули было опасно, а фактор внезапности они потеряли.

Боевики вновь открыли бешеный огонь – сыщик насчитал шесть или семь стволов – потом крикнули:

– Эй, бросай сюда деньги, иначе шлепнем!

В ответ грохнул новый выстрел. Бандиты стали материться, а унтер хохотнул:

– Давай сюда самого смелого! Я ему третий глаз сделаю.

Лыков решил, что пора ему вмешаться. Открывать дверь было опасно. Да и главное было – не убить одного-другого, а спугнуть нападавших. Сыщик прикинул позицию террористов и дал на звуки подряд четыре выстрела. В коридоре закричали, как бараны на бойне, и послышался топот.

– Тикай!!! – рявкнул кто-то и пальнул разок в ответ.

Пуля пробила дверь и ударила в стену. Лыков повел стволом влево и жахнул. С той стороны раздался глухой стон и звук падения. А потом тишина.

Алексей Николаевич помедлил секунду, затем отпер дверь и осторожно распахнул ее. В коридоре под разбитым окном лежал на спине человек и скулил, держась за живот. Сыщик вырвал из его рук револьвер и сунул в карман. Осмотрелся: пусто. В коридоре ни души, а обшивка стены и дверь в соседнюю половину купе густо издырявлены пулями. Он подскочил к окну и увидел, как пять или шесть мужчин скрываются в лесу. Это налетчики спрыгнули на ходу с

поезда и дали стрелкача. Сначала получили отпор от жандарма, а тут еще и неожиданный удар во фланг! Ребята трусили и убежали, бросив раненого.

Лыков громко крикнул:

– Унтер-офицер! Тут коллежский советник Лыков из Департамента полиции. Они смылись, можешь выходить.

– Это вы мне подмогли? – донесся голос из купе. Жандарм решил сначала выяснить, миновала ли опасность, и не спешил открывать дверь.

– Я. Один валяется под окном, сейчас подохнет. Вылезай, все кончилось. Ты молодец!

Щелкнула задвижка, и в коридор высунулась красная физиономия. Унтер нацелил «наган» в грудь Лыкову и тут же опустил.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие!

– Артельщик жив?

– Так точно! Я его на верхнюю полку отправил. Уж патроны кончались. Благодарствуйте.

– Ты храбро бился, они так и так отступили бы. Как твоя фамилия? Я сообщу начальству.

– Унтер-офицер Свияжского жандармско-полицейского пункта Шавкин, ваше высокоблагородие.

– Займись раненым. И вот, прими его револьвер.

Шавкин склонился над нападавшим:

– Это вы его или я?

– Мой.

– Готов, собака! А и черт с ним.

Лыков, все еще разгоряченный боем, сказал одобрительно:

– Хорошо держался, все бы так. Третий глаз обещал им сделать?

– Это я со страху балагурил, – шепотом сообщил ему жандарм. – Вижу, заряды к концу подходят. Жуть... А за мной человек безоружный, при нем две тысячи казенных денег. Я же за них отвечаю. Вот, время тянул. Скоро станция, там, думал, они отступят. А все же если бы не вы, не знаю, чем бы кончилось.

Наконец в коридор из всех купе полезли люди. Пассажиры, убедившись, что стрельба прекратилась, окружили жандарма и стали его благодарить. Кто-то предложил собрать храбрецу денег. Отовсюду потянулись руки, иная с рублем, а иная и с трешницей. Шавкин сделался еще краснее и попытался отказаться. Но Лыков как штаб-офицер разрешил принять награду, хотя формально не имел такого права:

– Бери, заслужил. А начальству я объясню. В наше трусливое время храбрость надо поощрять. Может, и хозяин суммы чего даст...

Нападение произошло на перегоне Тюрлема – Свияжск. Семь человек сели в Шихранах и, дождавшись, когда начало светать, напали на купе. Артельщик железнодорожной артели фон Мекка вез выручку. Когда стали ломать дверь, сопровождавший его унтер-офицер оказал сопротивление. А тут еще Лыков подвернулся. В виду станции Свияжск грабители прыгнули с поезда и скрылись в лесу.

На станции Шавкин сошел и забрал труп убитого бандита. Его сменил другой жандарм и так же заперся изнутри. Поезд, простояв в Свияжске лишних двадцать минут, двинулся дальше. До самой Волги больше не случилось никаких происшествий.

Наконец рельсы уперлись в реку. Здесь полустанок назывался Остров, на той стороне – Берег. Когда-нибудь тут построят мост, но пока приходилось делать

пересадку. За переправу полагалось платить особый сбор: с пассажиров первого класса – пятнадцать копеек, да еще по три копейки за каждый пуд багажа. Люди на пароме перебрались на левый берег и пешком дошли до станции Зеленый Дол. Там сели в грязные вагоны подбрасывающей ветки. Приходилось мириться с неудобствами и терпеть – до Казани оставалось полтора часа езды.

Город открылся издалека и показался почти сказочным. Белый кремль, тонкий силуэт Сумбекиной башни, крутая гора, спускающаяся сверху на кварталы посада... Вокзал находился недалеко от центра, рукой подать до кремля. Алексей Николаевич вышел на перрон, вручил саквояж носильщику и покорно двинулся следом. На бирже извозчиков царил обычный бардак, делили пассажиров. Сыщик сел к первому попавшемуся и сказал:

– Вези в лучшую гостиницу.

– Лучшая – это «Франция» на Воскресенской улице, – ответил извозчик, не торопясь трогаться с места. – Туда изволите? В ней все генералы живут.

– Нет, к генералам не хочу, – стал капризничать седок. – А купцы-богатеи что предпочитают?

– Дык кто что, вашество. Одни норовят в «Боярский двор», другие в «Европейские номера», а третьи, самые, значит, балованные, в «Казанское подворье», к господину Щетинкину. Там и ванная, и буфет, и все что хошь. Даже генералы иные, узнав, туда переезжают.

– Давай к Щетинкину. Смотри, если разочаруюсь, грех на тебе будет!

Мужик хмыкнул и махнул кнутом:

– Н-но, милая!

Пока ехали, гость осведомился насчет тарифа на извоз. Оказалось, в Казани, как и во многих других городах, счет шел на концы. Стоимость конца – двадцать копеек. До Большой Проломной улицы, где находились номера Щетинкина, чуть дороже – четвертак. От вокзала можно было доехать и на трамвае. Во втором

классе открытого вагона[15 - Второй класс открытого вагона – передняя скамейка и обе площадки, задняя и передняя.], например, всего за три копейки! Но питерец счел это несолидным и выбрал одноконную пролетку.

«Казанское подворье» оказалось действительно приличным местом. Номер на втором этаже обошелся командированному в два пятьдесят. Горячая вода, ванна, телефон – чего еще желать? Местоположение удобное: что до кремля с губернатором, что до Воскресенской улицы с полицмейстером десять минут ходу.

Достигнув высоких чинов, Алексей Николаевич перестал брать с собой в разъезды парадный мундир. Это для титулярных советников! Полковнику с открытым листом в кармане и с личным поручением императрицы можно явиться к начальнику губернии хоть в зипуне. Лыков надел мундирный сюртук со старшими орденами и отправился наверх. Он прочел в поезде путеводитель Загоскина и знал, что Проломная – название историческое. Там, где она берет начало от кремля, в 1552 году русские войска взорвали мину и проломили стену крепости.

По Петропавловской улице, мимо необычного храма гость поднялся на Воскресенскую, как раз напротив живописного пассажа. Воскресенская улица для Казани то же, что Невский проспект для Петербурга. Приезжий дошел по ней до площади, с любопытством глядя по сторонам. Все ему нравилось: мощеная улица с шикарными магазинами, гостиный двор, памятник Александру Второму, симпатичный корпус городской думы, еще более красивый городской музей. Через ворота в Спасской башне Лыков попал в кремль. Там тоже оказалось уютно. Миновав юнкерское училище по одну руку и присутственные места по другую, он вышел к губернаторскому дворцу. Часовой у входа вытянулся перед солидным господином.

Питерец поднялся на второй этаж и сообщил свое имя дежурному чиновнику. Лыкова уже ждали. Имя государыни открывало любые двери. Начальник губернии действительный статский советник Стрижевский сам вышел в приемную.

– Здравствуйте, Алексей Николаевич. Позвольте так вас называть? А я буду Михаил Васильевич. Прошу проходить. Чаю с дороги?

– Не откажусь. Ведь Казань раньше была столица чая?

Невинный вопрос заставил губернатора нахмуриться:

– Что было, то сплыло, увы. Когда вся доставка в Сибирь велась гужевым способом, город процветал. Мы были главным перевалочным местом. Но Великий рельсовый путь провели мимо нас. Уфа с Самарой сговорились, себя подняли, а нас сгубили. Кое-как выпросили мы себе ветку из Рязани, упрощенную и без моста. И строили ее за собственные средства. Казань зажата в мокром углу между Волгой и Камой и жила всегда только за счет сибирского транзита. Прозябаем, Алексей Николаевич. Нам бы присоединиться к кому-нибудь, хоть бы к Нижнему. Если увидите Их Величества, может, замолвите словечко?

Стрижевский за руку потащил Лыкова к карте губернии:

– Вот, смотрите. Ежели связать Арзамас веткой с Шихранами да построить мост через Волгу, то получится прежний план Богдановича. Казань окажется на Великом Сибирском пути. И оживет!

Тут наконец принесли чай. Сыщик взял стакан и сказал извиняющимся тоном:

– Михаил Васильевич, я ведь не для того прибыл. Разве станут Их Величества говорить с каким-то там коллежским советником о железных дорогах? Дай Бог свое дело сделать и головы не лишиться.

Губернатор посерьезнел:

– Прошу извинить. У кого чего болит, тот про то и говорит. Да, поручение у вас... Как бы помягче сказать... Что требуется от меня?

– Содействие.

– Будет. Только давайте позовем вице-губернатора Кобеко. Я, видите ли, уезжаю послезавтра. На два месяца, на лечение. Руководить губернией выпадет Дмитрию Дмитриевичу. Он опытный человек, но немного застенчивый.

Статский советник Кобеко явился уже через минуту – видимо, тоже ждал. Это был мужчина заурядной наружности, чуть моложе сорока, с умными спокойными глазами. Назвался и присел за стол, получив свой стакан чая.

– Дмитрий Дмитриевич, – обратился к нему приезжий, – кто из чинов полиции, ведших два года назад расследование, до сих пор на службе? Полицмейстер Панфилов, например, где сейчас?

– Вы хотите их расспросить? – догадался вице-губернатор. – Нет, Панфилова тревожить бесполезно. Он состоит в резерве чинов министерства, ожидает отставки с мундиром и пенсией. Любое напоминание о той истории для Павла Борисовича крайне нежелательно. Вдруг сочтут задним числом, что он был недостаточно распорядителен? И уменьшат пенсию. У нас станется.

Ай да Кобеко, удивился сыщик. Ему из самого Зимнего дворца велели землю рыть. А он беспокоится за отставного полицейского. Вице-губернатор сразу стал симпатичен питерцу.

– Конечно, в таком случае я не буду рисковать. Панфилова оставим в покое. А кто другой может оказаться полезен?

– Пристав Четвертого участка Тутышкин. Он молод, энергичен... иногда даже чересчур.

– Тутышкин? – оживился Алексей Николаевич. – Это тот, который ювелира Максимова лупил на обе корки?

– Он самый.

– Из околоточного уже дослужился до частного пристава? Да, мне с ним нужно познакомиться. Помню, как я удивился, когда прочел в стенограмме суда объяснение вашего Тутышкина. Что он-де бил ювелира не по службе, а в частном порядке.

Казанские администраторы насупились:

– Вы законник? Не одобряете? А если нет других способов узнать правду?

Сыщик усмехнулся:

– Чего их жалеть? Я и сам, когда был моложе, мял всякую сволочь как сидорову козу. Если это требовалось для раскрытия преступления.

– Но до суда не доходило? – осведомился Кобеко.

– Нет, ни разу.

– А у казанской полиции дошло. Такое дело! На всю Россию осрамились, будь оно неладно. Вот и пришлось Тутышкину со Смородским изворачиваться.

– Обвинитель ваш, Покровский, мастерски обелил обоих, – продолжил иронизировать гость. – Право, господа, я еще никогда не встречал такой аргументации! Посмотрите, говорит, господа присяжные, на их молодые неиспорченные лица. Разве можно поверить, что такие благородные люди способны на пытки? Ваши ребята соорудили подходящие рожи и вышли сухими из воды. Попробовал бы он сказать такое в столицах.

Казанцы промолчали. Вопрос о том, что полиция выбивала показания силой, на процессе удалось замять. Но сам Панфилов, который теперь ожидал пенсии с мундиром, заявил: у меня в подчинении двести пятьдесят человек, и я не могу гарантировать, что они никого не бьют! Старуху Шиллинг тоже не пожалели, запугивали и колотили. В итоге она потом отказалась от своих слов, что только усложнило следствие.

– Ладно. В Министерстве внутренних дел святых нет. А я служу по тому же ведомству, – резюмировал Лыков. – Кто теперь в Казани полицмейстер? Мне придется плотно сотрудничать в первую очередь с ним.

– Надворный советник Васильев сменил упомянутого Панфилова, – сообщил губернатор. – Я очень им доволен. Алексей Иванович на своем месте. Храбр, что для нынешнего времени важно. Год назад, когда он был приставом Шестой части, к нему явилась толпа так называемой народной милиции. Ну, самозванцы с револьверами. Их было много, а время такое – сами помните, что тогда творилось... Потребовали от Васильева сдать оружие и всю часть разоружить. Так он их выгнал! И продолжил охранять порядок. Алексей Иванович неутомим, ревностно несет службу. Мною подписано представление его в следующий чин.

Жандармы, правда, невзлюбили Васильева. Полковник Калинин, начальник нашего ГЖУ[16 - ГЖУ - губернское жандармское управление.], пишет кляузы министру. Боюсь, отложат производство.

– Жандармы невзлюбили? – заинтересовался коллежский советник. – За что?

– За то, что в рот им не смотрит, – ответил за начальника Кобеко. – Вот на днях был возмутительный случай. Заведующий розыскной частью ГЖУ ротмистр Трескин пошел в городской театр. И в перерыве узнал в толпе зрителей известного эсера, некоего Михаила Зефирова. Как бы вы, Алексей Николаевич, поступили на его месте?

– Я? Хм. А Зефиров опасный?

– Террорист, вожак боевой дружины.

– Ну, тогда подошел бы сзади, схватил за руки и позвал бы полицию. Был в театре полицейский наряд?

– А как же. Десять человек под командой того самого пристава Тутышкина.

– И что храбрый ротмистр? – спросил сыщик, уже догадываясь, каким будет ответ.

– Храбрый ротмистр побежал к приставу и попросил его взять меры к задержанию.

– А сам?

– Сам стоял и ждал, что предпримет полиция, – подал реплику губернатор.

– Прятался за их спины, – уточнил гость. – И чем дело кончилось?

Кобеко продолжил:

– Пока пристав брал меры, в театре неожиданно погас свет. И Зефилов куда-то шмыгнул. А полицейские же его в лицо не знают! Он проходит по жандармской картотеке, не по уголовной. Ротмистр между тем ждет... за спинами. Потом сообразил и встал на выходе, где снова увидел в толпе боевика.

– Задержал?

– Нет же! Опять побежал искать полицейских.

– Вот трус.

– Тут уж к делу подключился сам Васильев, он тоже оказался на спектакле. И приказал всем ловить злодея. Но пока ротмистр бегал туда-сюда, Зефилов уже вышел на улицу. Трескин разглядел его и в третий раз позвал наряд. За эсером побежали двое. Догнали, один даже схватил за рукав. Однако Зефилов вынул револьвер и начал стрелять. В упор, но, по счастью, мимо. Завязалась дикая перестрелка: он палил, наши палили в ответ. С площади прибежал городской, тоже разрядил барабан. В итоге никто ни в кого не попал, а Зефилов благополучно скрылся. И вот теперь начальник ГЖУ обвиняет полицмейстера Васильева, что тот упустил опасного террориста. Не предпринял, видите ли, должных усилий! У нас с Михаилом Васильевичем вопрос: а чем занимался в это время ротмистр Трескин? Он единственный знал боевика в лицо. И прятался за портьерой. Ну не гнусно?

– Гнусно, – согласился питерец. – Приму к сведению. Будет момент – и слово замолвлю перед Трусевичем. А теперь...

Он встал, взял фуражку.

– Господа, вы люди занятые. Я пойду знакомиться с господином Васильевым. Телефонуйте ему, пожалуйста, чтобы был на месте.

– Он ждет вас, – успокоил сыщика губернатор. – Я велел Алексею Ивановичу никуда не отлучаться. Ну-с, до моего отъезда в Пятигорск мы, скорее всего, более не увидимся. Передаю содействие в возложенном на вас августейшем поручении Дмитрию Дмитриевичу. С Богом!

Стрижевский с облегчением выпроводил питерца из кабинета, и тот зашагал по Воскресенской. Вдали справа торчала каланча – это и было полицейское управление. Оно занимало общее здание с пожарной командой. Через улочку виднелись корпуса Казанского императорского университета.

Надворный советник Васильев оказался крепко сбитым человеком с залысиной, ухоженной бородкой и тонкими щегольскими усами. Он встретил гостя настороженно.

– Цель вашего приезда мне объяснили, – начал полицмейстер. – В общих чертах. Хм! Кхе-кхе... Можно теперь услышать более точное изложение?

– Разумеется. Наверху, а конкретно в Зимнем дворце, полагают, что чудотворный обретенный образ Казанской Пречистой Богородицы не погиб в огне, сожженный Чайкиным. А где-то скрыт. Такие слухи ведь для вас не новость?

– Да, подобные разговоры ходят все два года. Однако это толки обывателей. Но чтобы в Зимнем дворце!

– Понимаю ваше беспокойство, Алексей Иванович. Сам не хочу службу терять.

Васильев поразился:

– Что, и до этого может дойти?

– А вы как думали? Там свои ветры дуют... в августейших головах. Могут и смести такие пушинки, как мы с вами.

– М-да...

– Поэтому предлагаю действовать согласованно. Мне поручили, вся ответственность тоже на мне. От вас нужна честная помощь. Даже моя неудача – признаюсь вам, она вполне вероятна – не должна затронуть чинов казанской полиции. Но только в том случае, если они сделают все, что от них потребуют интересы повторного дознания.

– Вы угрожаете? – Полицмейстер возмущенно свел брови. – Еще шагу не сделали в моем городе, а начинаете с запугивания?

– Зря вы так, – мягко осадил его Лыков. – Я подольше вашего служу в полиции. Получен Высочайший приказ. Наш общий долг – исполнить его. От казанской полиции потребуются серьезные усилия: не может же приезжий человек разобраться в деле в одиночку. Это понятно?

– Ну, понятно. А пугать-то зачем? Мы и без того сделаем все, что в наших силах.

– Я только об этом и прошу. И не пугаю вас вовсе, а объясняю серьезность ситуации. Вы с царской четой когда общались в последний раз? То-то. Потому допускаю, Алексей Иванович, что не до конца понимаете, чего от нас ждут. Успеха, вот чего. А успех этот весьма сомнителен. Если я не справлюсь, последуют служебные неприятности...

– Но ведь любой может не справиться, тем более с таким делом! – возмутился полицмейстер почти так же, как недавно Авестопуло.

– Там, – Лыков ткнул пальцем в потолок, – это никого не интересует.

Васильев опешил.

– Повторяю: никого. Поэтому, Алексей Иванович, прошу помочь мне всерьез. Не надейтесь, что как-нибудь обойдется. Мы теперь с вами в одной лодке, и она у нас дырявая. Считаете, что я пугаю? Не могу вам запретить так думать, но как бывалый человек мыслю иначе. Давайте держаться вместе, я без вас действительно не смогу вести полноценное дознание. Успех поделим пополам. Неудачу постараюсь взвалить на себя, вот только в нашем ведомстве так не бывает. И в ваших интересах, чтобы Лыков в столице сказал: Васильев сделал все, что мог.

– Теперь понял, – кивнул полицмейстер. – Против такой постановки вопроса ничего не имею. Давайте плыть вместе. Что нужно от меня в первую очередь?

Лыков перевел дух. Разговор свернул в рабочее русло:

– Кто вел дознание в четвертом году? В Казани ведь нет сыскного отделения?

– Нет. Вел сам Панфилов.

– Алексей Иванович! У полицмейстера всегда куча дел. Он не может заниматься дознанием как следует.

– Пристав Первого участка Антонов помогал ему. Хотя... Скорее – тут вы правы – он тянул воз, а полицмейстер помогал.

– Я могу увидаться с Антоновым?

– Увы, нет. Он уволился от службы в прошлом году и уехал из города.

– Жаль. А Тутышкин?

Надворный советник удивился:

– Что Тутышкин?

– Он ведь тоже участвовал в том дознании?

Васильев хмыкнул:

– Ну, если считать участием то, что отходил Максимова ножнами от шашки... Ничем иным Василий Ильич не прославился.

– Но он сейчас служит приставом. Значит, справляется с обязанностями?

– После огласки его подвигов в суде Тутышкину пришлось уволиться из полиции. Но это была лишь временная уступка общественному мнению. Уже через год приняли обратно.

– Да еще с повышением в должности?

– Людей нет, поймите. А этот хоть с каким-то опытом. Приходится за ним присматривать и одергивать. Горяч и, между нами говоря, бестолков. Такой, знаете ли, добрый малый в размашисто-военном духе, из подпоручиков. Но куда деваться? Другие в полицию не идут.

– Ясно. Значит, в дознании Тутышкин мне не помощник.

– Совсем не помощник.

– А кого тогда порекомендуете? Вы как первое лицо тоже заняты сверх меры. Мне нужен человек из кадра казанской полиции, который будет отвечать за содействие. Толковый и ответственный и не простой городской, а повыше. Есть такой?

– Есть. Пристав Первого участка губернский секретарь Ловейко Валентин Семенович. Кстати, Богородицкий монастырь находится в его участке, ему и карты в руки. Только... – Полицмейстер неожиданно смутился.

– Что такое? – насторожился питерец. – Уж договаривайте.

– Да его супруга, Анна Порфирьевна...

– Ну?

– Первый участок, изволите ли знать, находится здесь, в одном здании с полицейским управлением. Служебная квартира пристава Ловейко тоже здесь, обок с моей. Анна Порфирьевна – особа молодая и деятельная. Книжки про сыщиков любит. Вот я и взял ее письмоводителем по вольному найму. Грамотных людей мало, на такие гроши, какие мы платим, желающих нет. Короче говоря, госпожа Ловейко полноправный полицейский служитель: все знает, во все сует свой хорошенький носик и, как ни странно, справляется. Дела ведет образцово и вполне способна дать хороший совет. Вот так.

Васильев перевел дух и посмотрел на гостя – как тот отнесется? Лыков молчал, обдумывая услышанное. В Казанском полицейском управлении заправляет женщина. Не на первых ролях, слава богу, но случай все равно вопиющий. Ну и что? Если она справляется и дает хорошие советы... Лезть в чужую обитель со

своим уставом? Требовать, чтобы смекалистую бабу удалили? А как потом сотрудничать с ее мужем?

– Госпожа Ловейко ведет в том числе и секретную переписку?

– Да.

– Однако, – пробурчал Лыков. – Если ваш приятель полковник Калинин узнает, то использует вам во вред.

– Он знает и уже писал в доносах.

– Алексей Иванович, но зачем вам это? – удивился сыщик. – Что, Ловейко незаменима и вы готовы ради нее терпеть убытки? Или тут вопросы решаются по-семейному? Собираетесь вечером в казенной гостиной за чашкой чая и обсуждаете текущие дела?

– Бывает и так, – с вызовом ответил полицмейстер. – С приставом Ловейко каждый день обсуждаем. Служба требует. А если его супруга рядом окажется, нам что, переводить разговор на другое?

– Я понял, – кивнул питерец. – И лезть в ваши порядки не стану, хотя и не до конца принимаю их. С моей стороны доносов не будет. Потерплю Анну Порфирьевну, да и пригляжусь к ней – вдруг действительно умна? Вы это хотели сказать?

– Точно так. Если вдруг она забудется и позволит себе лишнее, сообщите мне, я ее одерну. Но имеется, так сказать, данность. Сложившийся уклад. Менять его, извините, под вашу блажь я не намерен.

– И не надо.

– Тогда договорились. – Обрадовавшись, что объяснение состоялось, Васильев плеснул в рюмки шустовского коньяку. И спросил: – Ну, вызовем Ловейко и проведем первое совещание?

– Да, того, который в штанах.

Через минуту в кабинет полицмейстера явился веселый малый, молодой и на вид легкомысленный. Хозяин познакомил его с Лыковым и пояснил, что теперь все они плывут в одной дырявой лодке. А пристав будет при госте порученцем. При этом обязанности по основной службе с него не снимаются.

Ловейко лишь ухмыльнулся и заговорил о другом:

– Алексей Николаевич, а это не вы давеча в поезде главаря налетчиков стрельнули?

– Не доезжая Свияжска? Я.

– Слыхал, Леша? – по-свойски обратился к начальнику подчиненный. – Банда Звездкина напала в поезде на артельщика. Тот додумался взять для охраны жандармского унтер-офицера, причем оказался смелый человек. И дал налетчикам отпор. Но у него патроны почти вышли, и конец бы им тут обоим, да господин коллежский советник ехал в соседнем купе. На беду Звездкина.

– Опа! – воскликнул надворный советник. – И куда вывернуло?

– А господин Лыков ему через дверь свинцовую дулю поднес. На звук целил. С поезда снимали уже холодного.

– Вот это новость! – Полицмейстер опять полез за бутылкой. – Ай да Алексей Николаевич! Такое следует обмыть.

– Что, сильно донимал? – догадался сыщик.

– Год мы с Валентином его ловили, и все без толку. У негодяя сообщники на железной дороге, они ему сведения из рук в руки передавали. Каждый раз как вода между пальцев уходил. А теперь и искать не надо! Зажмурился, сукин сын.

– Кстати вы мне напомнили. Унтер-офицера фамилия Шавкин. Действительно храбрец: один бился с семерыми. Надо бы сообщить начальству, пусть поощрят. Кто у вас заведует железнодорожными жандармами?

- Подполковник Ахматов.
- Как мне с ним повидаться? – не унимался питерец.
- У него кабинет в здании вокзала.

– Вечером зайду. Ну, а теперь про наши дела...

Ловейко сразу посерьезнел:

– Вас прислали вести повторное дознание. Два года миновало. Имеет ли это смысл?

Васильев и Лыков одинаково хмыкнули. Полицмейстер пояснил:

- Когда получено Высочайшее повеление, Валя, смысл искать поздно.
- Да, будем искать икону, а не смысл, – поддержал его Алексей Николаевич.
- С чего начнем? – спросил губернский секретарь.
- Я осмотрю место происшествия, – ответил Лыков. – Дом, в котором жил Чайкин, надо еще раз обыскивать?
- Вдруг икона за печкой завалилась и ее тогда не заметили? – усмехнулся балагур-пристав. – Не тратьте время.
- Хорошо. В таком случае расскажите мне, на кого указывает молва? Ведь общество не примирилось с мыслью, что образ Богородицы погиб в печи, так?
- Так, – подтвердил полицмейстер. – Слухи ходят разные. Вам все или лишь самые правдоподобные?
- Все.

Казанцы принялись рассказывать. По их словам, версий было много. Например, про настоятельницу Богородицкого монастыря игуменью Маргариту говорили, что она прямо замешана в краже. Будто бы Маргарита нарочно свела надзор за драгоценными иконами к минимуму. Сотысячные образа караулил один дряхлый сторож. Из уст в уста передавалось, что игуменья лично продала Пречистую Деву старопоморцам за миллион рублей. А конкретно собирателю старинных икон купцу Шамову.

Другой слух винил во всем бывшего монастырского дьякона Григория Рождественского. Его выгнали из обители, и он с досады и для прибытка украл Спасителя с Богоматерью. Рождественский уехал из Казани неизвестно куда. А краденое якобы продал рогожцам за тот же миллион.

Третьи не верили в оправдательный приговор сторожу Захарову и говорили, что присяжные ошиблись. Старый пьяница – сообщник воров, а не потерпевший. Надо нажать на него и вызнать правду.

– Значит, покупателями называют поморцев и рогожцев, – констатировал сыщик. – А вы сами верите в это?

Полицейские привели несколько громких имен казанских купцов-староверов. В городе двоеданов[17 - Двоедан (плательщик двойных податей) – старое название раскольника.] семь тысяч! И многие из них на виду. Чаще всего молва поминала «чайных королей» Шмелевых и Смоленцевых. И те и другие принадлежали к официальной церкви, но втайне исповедовали раскол. После манифеста, даровавшего свободу, купцы перестали скрывать свою истинную веру. Но чтобы красть иконы! Ни Васильев, ни Ловейко не принимали такую версию.

Грешили и на купца Шевлягина, в чьем доме проживал Чайкин. Якобы это он заказал вору чудотворный образ. Но эта сплетня тоже не имела под собой никаких оснований. Болтуны просто приплетали к громкому преступлению всех, кто так или иначе был связан с главным злодеем.

Когда казанцы закончили свой рассказ, командированный сообщил им о заявлении вора Комова. И спросил, что они думают об этом. Полицейские только развели руками. Кто знает? Может, врет, чтобы отвлечься от рудничных работ. А может, надоело кайлом махать, захотелось снять грех с души.

Тогда Лыков изложил свою версию, которую вроде бы подтвердила беседа с Чайкиным. Грабителей было четверо, как изначально и говорил караульщик Захаров. И один из них – Василий Шиллинг. Что думают о его доводах казанцы и где сейчас Васька?

Алексей Иванович ответил: Шиллинг нездешний, он приехал из Мариуполя вместе с Чайкиным в начале 1904 года. Сама кража из монастыря была обставлена как семейное дело. Ананий Комов, правая рука Чайкина, был любовником сестры Прасковьи Кучеровой. Участие в банде Васьки тогда выглядит весьма правдоподобно. Но ведь он в то время ломал лавку в Лаишеве. Не мог же вор быть одновременно в двух местах!

Тут Лыков выложил свой козырь. А именно доказал, что в Лаишеве Шиллинг попался 2 июля. Значит, вполне мог успеть и там, и там. А попался нарочно, чтобы сесть за мелкое преступление и спрятаться от следствия по крупному.

Оба казанца согласились, что так могло быть. Сам Васька сидел сейчас в арестном доме в Плетенях. Он уже отбыл наказание за ту попытку ограбления и успел получить новый срок. Мировой судья приговорил вора к четырем месяцам за хищение песцовой муфты из магазина «Банарцев и сын» на Воскресенской улице. Две трети из этого срока уже прошло.

– Вот как! – встревожился Лыков. – Выйдет он на волю, узнает про мое дознание, и ищи-свищи. Завтра я должен с ним побеседовать.

Полицмейстер покосился на пристава, тот кивнул:

– Сделаем. Я сообщу вам в гостиницу вечером. Вы, кстати, где остановились, Алексей Николаевич?

– У Щетинкина.

– Там дорого! А то переезжайте к нам в управление. Комната пустая найдется, Анна Порфирьевна поставит вас на довольствие.

Но сыщик вспомнил то, что узнал о госпоже Ловейко от полицмейстера, и отказался.

Для первого дня сделанного было достаточно. Лыков собирался погулять по городу, узнать его, чтобы ориентироваться самостоятельно.

Он поднялся:

– Не смею больше отнимать ваше время, господа. Жду вечером сообщения насчет Шиллинга. Последний вопрос: где советуете пообедать?

– Первоклассный ресторан Васильева тут неподалеку, на Черном озере, – ткнул в окно полицмейстер. – Параллельно Воскресенской улице идет одноименный сад, и в нем заведение. Неплох «Китай» рядом с нами и ресторан Колесникова на Рыбнорядской площади. Остальные посещать не советую.

– Вот сразу видать, Леша, что ты больше меня жалованье получаешь, – осклабился Ловейко. – Лично я хожу еще в «Славянский базар» на Большой Проломной и в ресторацию Иванова на Толчке. Дешевле и не хуже.

– Нашел богача! – возмутился надворный советник. – У меня пятеро детей, а у вас с Анькой ни единого. Все содержание уходит на то, чтобы ребятню выучить. Семьсот рублей ежегодно! А ты... Мелкий завистник.

Лыков не стал дослушивать их добродушную приятельскую распрю. Он вышел на улицу и направился на поиски Черноозерского сада. Попутно размышлял, почему у них, полицейских, всегда так много детей. Ведь служба опасная, особенно в последнее время. Страшно! Убьют – никакая пенсия не спасет осиротевшее семейство от нищеты. Но правоохранители будто назло всему плодятся и плодятся. Тут есть какая-то особая смелость. Или желание оставить после себя на земле новые чистые души?

Отобедал питерец на Черном озере вполне сносно. Самого озера, правда, он не нашел, его давно осушили. Но ресторан оказался достойным, полицмейстер не обманул. Русская и французская кухня, обширная карта вин, бильярд, тир, кегельбан – как в столицах! А цены провинциальные: рубль за обед из пяти блюд. Все чисто, обслуживают быстро и вежливо. Сыщик повеселел. Дела на сегодня уже были закончены, и он решил погулять по городу.

Глава 5

Казань как место действия

В полицейском отношении Казань была разделена на шесть частей. Первая, что досталась приставу Ловейко, считалось самой аристократической. В нее входил весь центр с регулярной каменной застройкой. Вторая часть – Забулачье находилась на другом берегу протоки Булак. Третья вмещала северо-восточные улицы от Николаевской площади до Арского поля. Четвертая, тутышкинская, была самая беспокойная: в нее входили Георгиевская, Ново-Горшечная улицы, Первая, Вторая и Третья Горы, а также Суконная и Архангельская слободы. Пятую называли Закабанье, там находились Плетени и обе Татарские слободы, Старая и Новая. И наконец, Шестая часть управляла пригородными слободами – Адмиралтейской и теми, что были за рекой Казанкой.

Все путеводители твердили одно и то же: Волга сыграла с Казанью злую шутку. Она делала разворот напротив нее, не доходя до города семь верст. А старый город располагался на длинном холме, вытянутом с запада на восток. Кремль, главные улицы и Театральная площадь шли по его гребню. С запада холм омывала речка Казанка. Она отделяла сам город от его заречных слобод. На правом берегу Казанки их было целых шесть. Еще две при пороховом заводе к городу не относились, а числились по уезду.

Кремль – самая высокая точка местности, с которой открывался наиболее красивый вид. Главный вход туда – через Спасскую башню. Внутри были губернские присутственные места, дворец губернатора, кафедральный Благовещенский собор, Спасо-Преображенский монастырь, церковь Киприана и Устинии, дом архиепископа, юнкерское училище, казармы 230-го Ветлужского резервного батальона и Сумбекина башня. От прежних времен, до взятия города русскими, ничего не уцелело. Татары, правда, считали Сумбекину башню минаретом бывшей ханской мечети. И если полиция разрешала, стояли перед ней на коленях, молились.

Благовещенский собор – главный в городе. Там хранились мощи первого казанского архиепископа святого Гурия. Еще собор славился тремя образами старинного письма, подаренными Иваном Грозным.

Воскресенская улица, как уже говорилось, считалась самой парадной. Она начиналась от площади Александра Второго (Ивановской) и тянулась на целую версту, до пересечения с Университетской. Справа на ней располагались сначала городской научно-промышленный музей, за ним гостиный двор, потом духовная семинария, два суда (Окружный и Военно-окружный), военное собрание, городское полицейское управление. Слева – городская дума, лучшие гостиницы («Франция» и «Волжско-Камские номера»), два пассажа (Александрова и Чернойорова) и Воскресенский собор; в самом конце – был разбит сквер перед Ксенинской женской гимназией.

Улица заканчивалась гордостью Казани – Императорским университетом, серьезным научным центром, с сильной профессурой и давними традициями, идущими еще от ректорства знаменитого Лобачевского. На четырех факультетах обучалось 818 студентов. Университет занимал обширный квартал. Раньше на философском факультете был восточный разряд. Но в 1851 году его перевели в Петербург и лишили Казань значительной части ее учености... В минералогическом кабинете хранились огромные самородки, один – золота, а второй – платины. Это был подарок Николая Первого, отобранный им у музея Горного института. Имелись также обширная библиотека, обсерватория, анатомический театр, зоологический и этнографический музеи, множество других кабинетов: зоотомический, фармакогностический, гигиенический и прочие.

Параллельно Воскресенской тянулись еще несколько приличных улиц. Большая Казанская переходила в Большую Красную, а Воздвиженская в Покровскую, которая затем становилась Грузинской. Эти две улицы упирались в знаменитое Арское поле. Когда-то здесь начиналось бескрайнее пространство, достигающее Сибири. Дорога, выходящая из города, так и называлась: Сибирский тракт. В прошлом на поле неоднократно сходились для битвы Запад с Востоком. Теперь эта городская окраина основательно была застроена. Здесь располагались женский Родионовский институт, церковь Святой Варвары, Промышленное училище, Университетская клиника, окружный военный госпиталь, водохранилище городского водопровода, Духовная академия... Вот-вот должны были достроить Коммерческое училище. Заканчивалась окраина Арским (Куртинским) кладбищем и Академической слободкой.

На самом краю города примыкала к Казанке Подлужная слобода. За ней раскинулись сначала Русская Швейцария, а затем Немецкая. Это уже дачные местности, где любили отдыхать жители. Между Швейцариями примостилась окружная лечебница для душевнобольных.

Пространство от Воскресенской улицы слева, если идти от кремля, славилась садами. Они будто вытекали один из другого: Банный, Черноозерский, Николаевский, Театральный, Державинский, Панаевский и Лядской, он же Скобелевский. Черноозерский из них считался самым обширным и благоустроенным, и лучший в городе ресторан не случайно располагался именно здесь. Ни Банного, ни Черного озера давно уже не было, их засыпали из соображений санитарии, остались лишь названия. На месте Банного озера теперь возвышалось безобразное здание цирка братьев Никитиных, из которого никак не могли выгнать за цинизм клоуна-дрессировщика Дурова.

Кроме того, слева от Воскресенской были расположены Богородицкий женский монастырь, мужское духовное училище, земская больница и обе тюрьмы: пересыльная и губернская.

Улицы справа от главной шли уже по склону холма, каждая следующая ниже предыдущей. Малая Проломная начиналась от Толкучего рынка (Толчка), где следовало внимательно смотреть за карманами. Улица была примечательна торговыми рядами: медовым, птичьим и другими. За ней шла Большая Проломная, на которой были собраны все деловые учреждения: биржа, торговые дома, банковские и нотариальные конторы. Ниже располагалась Вознесенская улица, считавшаяся купеческой и почти вся принадлежавшая старообрядцам. Здесь находились усадьбы Журавлевых, Смоленцевых, Тихомирновых, контора сахаро-рафинадного завода Ходорковского, а также вычурное здание Купеческого собрания. Еще ниже Вознесенской шел уже Булак. Все поперечные улицы, переходя за него, меняли свои названия. Здесь пролегал южная граница между чистым центром и непрестижным Забулачьем. Восточной границей парадной части служила Рыбнорядская улица, которая за Булаком именовалась уже Евангелистовской.

Собственно Булак – это протока, которая соединяла цепь из трех озер с устьем Казанки. Озера назывались Кабанами. Верхний, самый дальний, располагался за пределами города. В длину он был две версты и основательно широкий. Средний Кабан самый большой. Он был уже на городской окраине, там в парке «Аркадия»

веселился гуляющий народ. Ближний Кабан (он меньше других) располагался в посадской части города. На северном его берегу главной улицей считалась Георгиевская. Между ней и озером раскинулись Пески, где были собраны публичные дома и там же находились воровские притоны. Вся окружающая местность называлась Суконная слобода. Сюда еще Петр Первый в 1722 году перевел суконную фабрику, отдав ее из казны в частные руки купца Михляева. Фабрика давно закрылась, а название осталось. Крутыми улочками Первой, Второй и Третьей Гор эта слобода была связана с Академической слободой и Арским полем. Жители Третьей Горы, кстати сказать, бахвалились ею. Эта улица единственная ни разу не горела в многочисленных казанских пожарах. И никто не мог объяснить почему. Торговым центром слободы являлась Духосошественская площадь. На ней продавали скотину, и в том числе лошадей. В торговые дни – понедельник и четверг – здесь происходило настоящее светопреставление, особенно осенью. А в остальные дни было пусто, и в балаганах селились бездомные.

Между Средним и Ближним Кабанами примостилась Архангельская слобода. А еще университетский ботанический сад. В Казани, как уже говорилось, очень любили свой университет. Все, что с ним было связано, находилось на самом высоком уровне, и сад в том числе. Далее, на востоке располагались газовый завод и летний ипподром. Выселок за ипподромом не случайно назывался Бутырским – там жулики делили неправомерные деньги от скачек, отчего часто случались недоразумения. Затем уже шли загородные дачи богачей (отдельно русских, отдельно татар), Ново-Иерусалимский монастырь с летней резиденцией архиерея и лагерные бараки юнкерского училища.

Теперь о Закабанье. На южном берегу Ближнего Кабана располагались Плетени, а также Старо-Татарская и Ново-Татарская слободы. В двух последних издавна проживало коренное население. Еще Иван Грозный выселил сюда татар. Лучшие мечети, самые богатые правоверные дома, вся азиатская торговля – находились здесь. Кроме того, огромный мыловаренный завод московских промышленников братьев Крестовниковых и городская бойня. Улочки восточной окраины так и назывались: Жировка и Мыловаренная. Рядом были магометанское кладбище и слобода Поповка.

Район железнодорожного вокзала освоили недавно. Городская дума из-за этого вокзала была в долгах как в шелках. Хорошо хоть строительство водопровода удалось повесить на частный капитал во главе с известным богачом Губониным. Воду добывали из ключей при деревне Пановке, в восемнадцати верстах по

Сибирскому тракту, и по трубам гнали в Казань. За сто ведер брали восемнадцать копеек, в случае пожара вода отпускалась бесплатно. Все строительство закончили в 1874 году, и через пятьдесят лет после этого сооружения водопровода должны были отойти городу бесплатно. А вот канализации там пока не было. Впрочем, в Петербурге она тоже отсутствовала.

Булак, отделяющий возвышенную часть Казани от низменной, весь был захламлен. Население превратило его в клоаку, в огромную помойку. Помимо обычного мусора, сюда сливали сточные воды сразу несколько бань. От невыносимой вони бывало трудно дышать.

Продольные улицы пересекались поперечными, создавая жилые кварталы. В лучшей части города таких имелось шесть. Самая длинная из них, Рыбнорядская, не только отделяла знатную Казань от незнатной. Вокруг нее также была сосредоточена торговля жизненными припасами, и особенно волжской рыбой. Ряды шли по обеим сторонам улицы от озера Кабан до Николаевского сквера. Рыбнорядская было вечно в грязи, а в слякоть делалась и вовсе непролазной. Никакое мощение не могло изменить ситуацию.

Поперечные улицы – особенность Казани. Кроме них, имелись еще Односторонние. Названий вроде Односторонка Кирпичного завода Лыков не встречал ни в каком другом городе.

Особняком стояла Адмиралтейская слобода, приближенная к Волге. Чтобы соединить ее с городом, насыпали длинную дамбу. Дамбы тоже считались здешней особенностью. Город на холме окружали низменные участки. Многие из них были заболочены, местность сырая, нездоровая. В весенний разлив начиналась просто беда – все вокруг заливало талой водой. Для связи с окраинами и придумали эти дамбы. Адмиралтейская стала длиной больше версты, и обошлась она казне в миллион рублей. Другие связывали центр города с Гривкой, Козьей и Ягодной слободами, с пристанями на Волге. А например, Полянинскую дамбу, что соединяла центр с Ново-Татарской слободой, весной затапливало так, что было не проехать. Но на то, чтобы поднять ее повыше, денег у городской думы не было.

Адмиралтейская слобода тоже старинная. Здесь хранились в особых сараях галера «Тверь», на которой прибыла в город Екатерина Вторая, и катер Павла Первого. Рядом на пригорке располагался старинный Зилантов монастырь. В слободе татары жили бок о бок с русскими, что было не принято в остальных

частях Казани. И вполне по-добрососедски жили, кстати сказать. Поэтому тут выстроили две мечети. В быту обе национальности не ссорились. Зато синодальная церковь не упускала случая побороться за души иноверцев. Имелась даже Центральная крещено-татарская школа, в которую с трудом набирали учеников.

Неподалеку от Адмиралтейской слободы бросался в глаза самый странный казанский памятник – по убиенным воинам при взятии Казани в 1552 году. Сделанный в виде усеченной пирамиды с крестом наверху, он являлся одновременно и памятником, и храмом. Внутри в нем был расположен огромный склеп с людскими останками. Сооружение десятисаженной высоты стояло на месте братской могилы. Сколько русских пало при штурме города войсками Ивана Грозного, точно неизвестно. Но счет шел на десятки тысяч. Раз в год, 2 октября, из Зилантова монастыря сюда шел крестный ход. Проводилась особо торжественная служба в присутствии войск, начальства и обывателей. А весной, в разлив, к памятнику нужно было добираться на лодках.

Ну и, наконец, Устье – место, где Казанка впадала в Волгу. Его считали речными воротами города, которые в навигацию работали круглосуточно. Сначала, в самый пик половодья, временный дощатый городок ставили на полпути к Казанскому холму – называли его Ближнее Устье. Затем, когда вода спадала, Дальнее Устье брало дело в свои руки. В три ряда выстраивались временные балаганы. Все пароходные компании держали здесь свои дебаркадеры. А еще имелась почтово-телеграфная контора с телефонной станцией, отделения банков, приемный покой, полицейский пост, бараки для переселенцев, а также десятки гостиниц, парикмахерских, трактиров, кухмистерских, лавок и магазинов. Все, что нужно для пассажиров. Был даже синематограф! Устье считалось второй по оборотам пристанью на Волге, присоединяющей к волжским еще и камские грузы.

Ниже находилась пристань Бакалда, но она предназначалась для буксирного флота. В последнее время то, что не помещалось в Устье, стали переводить туда, и Бакалда стала оживать.

В целом впечатление Казань производила противоречивое. Улицы тут были вымощены плохим камнем, который легко истирался. Оттого в городе летом было пыльно, а осенью и весной грязно. Болотистая местность вокруг холма, отсутствие чистых озер в черте города, вонючий Булак – все это не способствовало санитарии. Имелись и необъяснимые особенности. Например,

тринадцать процентов детей в Казани рождались вне брака. Это было в пять раз больше, чем в среднем по России. Но в той же хваленной Европе эта цифра была намного выше. В Париже незаконнорожденными являлось двадцать шесть процентов младенцев. А в австро-венгерском Ольмюце – до семидесяти!

Однако у города было и много достоинств. Казань называли ученой столицей Поволжья. Здесь насчитывалось целых четыре высших учебных заведения: университет, ветеринарный институт, Духовная академия и Высшие женские курсы. Тут же располагался штаб военного округа, в который входили семь окрестных губерний от Вятской до Астраханской, плюс Уральская и Тургайская области, а также Букеевская киргизская орда.

В городе имелось множество религиозных святынь: четыре собора, двадцать восемь приходских храмов, двадцать два домовых, три военных, четыре часовни. Семь монастырей! А еще римско-католическая и лютеранская церкви. И кроме них, четырнадцать мечетей.

Иностранческого населения в Казани было немного – только одиннадцать процентов. Еще пять – старообрядцы. А православных подавляющее большинство – восемь человек из десяти. Сюда входили и чуваша с марийцами. А также имелись евреи, поляки, немцы, армяне и персы. Но с виду казалось, что татар в городе намного больше. Это потому, что они были бойкими и трудолюбивыми, вот и попадались на каждом шагу...

Промышленность в Казани была развита средне. Всех фабрик и заводов насчитывалось аж восемьдесят три. Но из них серьезные обороты показывали Крестовниковы с Алафузовыми и еще паровые мельницы Журавлевых. Дымили четырнадцать кожевенных заводов, два водочных и два пивоваренных. А прочих фабрикантов впору было рассматривать в лупу...

Лыков, будучи честным туристом, с путеводителем Загоскина в руках обошел все интересные места. Начал, конечно, с кремля. Как бывший солдат, он во всех городах посещал в первую очередь военные храмы. Тут тоже помолился в церкви Нерукотворенного образа, находящейся внутри Спасской башни. Изучил всю Воскресенскую, затем в университете посетил анатомический театр, в котором ему захотелось увидеть скелеты двух знаменитых разбойников, после казни в 1847 году помещенных здесь. За Быковым числилось сто пять убийств, а за Чайкиным девяносто. Обоих кое-как поймали и забили палками до смерти.

И тут Чайкин, отметил невольно сыщик...

После университета Лыков зашел в церковь Петра и Павла, поразительной красоты и необычной отделки, и остался там надолго. Ничего подобного Алексей Николаевич раньше никогда не видел. Прихожане рассказали гостю, что в храме бывал Пушкин, а в церковном хоре пел Шаляпин. Неудивительно. Какие росписи! А семейный иконостас!

Еще экзотики ради турист заглянул на Сенную площадь, центр татарской торговли. Не Тифлис, конечно, но тоже интересно...

В Богородицкий монастырь он не пошел, отложил на завтра. Там будет уже не туризм, а служба.

Завершил день коллежский советник визитом к начальнику Казанского ЖППЖД[18 - ЖППЖД – жандармский полицейский пункт железной дороги.] подполковнику Ахматову. Там он выполнил приятный долг: похвалил смелые действия унтер-офицера Шавкина. Подполковник выслушал с удовольствием и обещал наградить храбреца.

Глава 6

Трудности сыска

Вечером никакого сообщения Лыков не получил и рассердился. Спящая провинция! Даже царского приказа недостаточно, чтобы они проснулись. Однако утром, когда сыщик брился, в номер к нему постучали. Вошел brave околоточный с двумя новенькими солдатскими Георгиями и медалью за японскую войну. Лицо запоминающееся: точеное, хищное, как у ястреба, но при этом внушающее доверие. Именно такие лица бывают у хороших полицейских, которых боятся и любят обыватели.

– Ваше высокоблагородие! Околоточный надзиратель зауряд-прапорщик запаса Делекторский явился в ваше распоряжение. Согласно указанию господина полицмейстера, прикреплен к вам на время дознания.

– Вольно, Делекторский. А как вас по имени-отчеству?

– Никита Никитич, ваше высокоблагородие.

– Называйте меня Алексей Николаевич.

– Слушаюсь!

– Проходите, садитесь вот здесь. Чаю выпили? Не желаете еще?

– Никак нет, спасибо.

– Никита Никитич, мы с вами не в армии. И война, слава богу, кончилась. Давайте говорить человеческим языком. Я ведь тоже воевал, правда, много лет назад, с турками. И тоже потом не мог отвыкнуть от армейских оборотов. Но отвык и вам советую.

– Слу... хорошо, попробую следить за языком.

Надзиратель сел напротив начальства и молча стал ждать приказаний. Лыков так же молча разглядывал его. Было ясно, что человек перед ним штучный. Держался спокойно, никакого подобострастия не выказывал. С виду бывалый, что и говорить. С таким, возможно, сваришь кашу. Будет случай – проверим, решил Лыков и спросил:

– Алексей Иванович объяснил суть моего дознания?

Делекторский хотел сказать «так точно», но вовремя поправился:

– В общих чертах. Вам велено отыскать чудотворную Казанскую икону, что украли и будто бы сожгли во время войны.

– Правильно. С той поры прошло два года, но слухи, что святой образ цел и где-то спрятан, не утихают. Начальство велело разобраться. Сам я чиновник особых поручений Департамента полиции, приехал из Петербурга.

Делекторский слушал, склонив голову набок, и ни о чем не спрашивал. Или нелюбопытен, или в армии приучили больше слушать и меньше говорить.

– Сегодня мы должны допросить одного жулика, что сидит в земском арестном доме. Пристав Ловейко обещал сообщить мне вчера вечером, когда и как лучше это сделать. Но не сообщил. Может, вы знаете?

– Да, Алексей Николаевич, – спокойно ответил околоточный. – Смотритель дома ждет вас в любое время, ему даны указания. Василий Шиллинг сегодня от работ освобожден.

– А что за работы у арестантов? – удивился питерец.

– Самые грязные. Они помогают городскому ассенизационному обозу вывозить нечистоты.

Лыков отметил, что труднопроизносимое иностранное слово собеседник выговорил без запинки. Бывший гимназист или реалист. Лет ему, правда, уже было немало, к тридцати годам, судя по всему, подходит. Чем он занимался до войны? Как попал в полицию, куда по своей воле мало кто рвется? Но что-то удерживало сыщика от расспросов.

– Арестанты чистят выгребы? И не сбегают?

– Чистят и не сбегают, – с едва заметной иронией ответил Никита Никитич. – Сроки у них маленькие, зачем жизнь себе осложнять? Но озоруют сильно, дрянной народ.

– Озоруют? – Коллежский советник заинтересовался. – Как?

– А когда дерьмо в бочках за город везут, нарочно расплескивают, чтобы всю улицу загадить. И смеются, ревнители Автолика.

Автолик, сын Гермеса и дед Одиссея, был покровителем воров в Древней Греции. Но Лыков впервые встретил околоточного надзирателя, который об этом знал...

– Почему же начальство терпит? – спросил он.

Делекторский пожал плечами:

– Не могу знать. То есть не знаю. Но так уже давно. Газеты даже пишут, ругаются, а толку нет. Злые люди, обижены на весь свет, вот и норовят отомстить.

– М-да... Ну, едем, раз вы от чая отказываетесь. Арестный дом, как мне сказали, в каких-то плетнях?

– Нет, в Плетенях, – поправил гостя казанец. – Это местность такая в Закабанье, позади мыловаренного завода.

Возле «Казанского подворья» всегда караулили седоков извозчики. Полицейские сели в пароконную коляску и велели отвезти их до места. Возница оказался татарин. Экипаж у него был чистый, надраенная сбруя блестела. Лыков спросил у спутника:

– Татары в городе сильны? С русскими как уживаются?

– Купечество богатое есть, торгуют с Туркестаном и Персией. Магометанская часть Кавказа тоже в партнерах. Но в обществе татары и русские мало пересекаются. Еще при Иване Грозном покоренное население выселили далеко за город. До сих пор там и живут, обособленными слободами. В русской Казани татары ходят как старьевщики и уличные торговцы. Наши у них не бывают никогда. На заводах обе национальности работают бок о бок. Татары трудолюбивые и непьющие, их нанимают охотнее нашего брата. В городской думе есть гласные из татар, но лезут они туда из тщеславия. Всерьез знатных магометан интересует только торговля.

– Мечетей у вас много, – одобрил питерец.

– Пусть молятся, не жалко. Как по мне, Бог, если и существует, он один на всех. Просто разные народы дали ему разные имена.

Мысль была не новая, но слышать ее из уст околоточного было странно. И Лыков не удержался, спросил:

– Вы ведь получили некоторое образование, верно? И явно человек думающий. Что привело вас в полицию? Не приказ о зауряд-прапорщиках?

Весной в МВД вышел такой приказ. Только что объявили демобилизацию призванных на воинскую службу в 1903 году и попавших в самое пекло войны с японцами. И полицмейстерам предлагалось принимать на должности околоточных надзирателей тех из нижних чинов, кто замещал на фронте офицеров. Японцы порядочно перебили младший офицерский состав. И фельдфебели с унтерами заменили их на поле боя в качестве командиров взводов. Эти люди проявили храбрость, инициативу, умение командовать людьми. Готовые околоточные!

Но Никита Никитич не спешил с ответом. Он внимательно и бесцеремонно, как равный равному, смотрел в глаза коллежскому советнику. Будто решал, говорить или не говорить. Наконец Делекторский произнес:

– История у меня длинная и никому в общем-то не интересная. Я бывший студент медицинского факультета Казанского университета. Замешался в беспорядках, отчислили. Потом... Случилось так, что разуверился в Боге. Пошел на войну и разуверился. Там... Что я вам могу нового сказать, Алексей Николаевич? Если вы сами воевали, то все понимаете. Какой Бог может быть на войне?

– Понимаю, – хмуро кивнул Лыков.

– Вот. А пока я воевал, у меня тут невесту убили. На дороге подстерегли, у края города, в Жировке, позади бойни. Отняли деньги, какие при ней были, и перерезали горло.

После этого они долго ехали молча. Уже когда подъезжали к Нижнему Кабану, околоточный надзиратель добавил:

– И решил я мстить. Не тем, конечно, кто не погнушался зарезать молодую женщину. Их и след простыл, полиция упустила убийц. Ну так других таких же накажу! У меня с этой мразью разговор короткий.

Больше за всю дорогу отставной зауряд-прапорщик не произнес ни слова. Да и Лыков помалкивал, только приглядывался. Злость в полицейской службе – чувство плохое, а ненависть тем более. Далеко на них не уедешь. Но коллежский

советник и сам этим грешил. Уж больно поганый народ русские уголовные, чем больше их узнаешь, тем злее делаешься.

Арестный дом оказался унылым ободренным зданием в два этажа. Смотритель представился высокому начальству:

– Не имеющий чина Доленга-Грабовский к вашим услугам. Прикажете доставить арестанта Шиллинга? Он наготове.

– Пусть приведут.

Допрос состоялся в комнате для свиданий. Околоточный сел сбоку с ручкой и бумагой, а Лыков спрашивал. Василий Шиллинг, ражий детина с блеклой плутовской физиономией ничем не напоминал тевтона. Обычный вор квасного разлива. А по документам немец и лютеранин.

– Где чудодейственная икона Казанской Божьей Матери? – сразу заговорил о главном сыщик.

Арестант сделал вид, что опешил:

– Да я... Да мы...

– Ты мне, Васька, нервы не канифоль, – сурово оборвал вора коллежский советник. – Говорю, как есть. Дела ваши, всех, кто стащил икону, очень плохи. Очень!

– Да я не крал...

– Молчать!!! Молчать и слушать. Ты влип, дурак, по самые уши. Государыня императрица повелела разыскать священный образ во что бы то ни стало...

– Так он же в печке сгорел.

– А вот Ананий Комов показывает обратное.

Тут Шиллинг действительно растерялся:

– Как обратное?

– А вот так. Икону сожгли только одну, менее ценную – образ Христа Спасителя. А Богоматерь продали. По словам Комова, ты был третьим в их шайке. И привел с собой четвертого, который заранее нашел покупателя. Поделили добычу вы так: чудотворный образ покупателю, а ценности с риз – вам. Когда запахло жареным, Чайкин жемчуг и золотой лом спрятал, а основное богатство – бриллианты – передал на хранение твоему дружку. На днях в Александровский централ выехал следователь. Как только он возьмет у Комова показания, тебе уже не отвертеться. Не арестный дом светит на четыре месяца, а каторга на всю десятку. Ну? Будешь говорить?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Петров день – 29 июня (здесь и далее примеч. автора).

2

См. повесть «Последняя выставка» в сборнике «Темные всадники».

3

Беглопоповцы (они же рогожцы, они же Австрийское или Белокриницкое согласие) – самый влиятельный толк старообрядцев.

4

Правая рука Столыпина была усохшей и плохо действовала.

5

Клюквенник – вор, специализирующийся на краже церковных ценностей.

6

22,25?26,7 см.

7

22,25?27,8 см.

8

В этот день польско-литовский гарнизон в Кремле начал переговоры о перемирии, закончившиеся затем изгнанием оккупантов.

9

Табельный день – непростительный, выходной.

10

53,4?60 см.

11

Газеты почему-то особенно невзлюбили именно Шиллинг. Несмотря на то что ей было всего 49 лет, в прессе ее именовали «отвратительной старухой типа сводни».

12

Поморское согласие (они же беспоповцы) – один из самых влиятельных старообрядческих толков.

13

Грант – ограбление (жарг.).

14

Максимов был чуваш по национальности.

15

Второй класс открытого вагона – передняя скамейка и обе площадки, задняя и передняя.

16

ГЖУ – губернское жандармское управление.

17

Двоедан (плательщик двойных податей) – старое название раскольника.

18

ЖППЖД – жандармский полицейский пункт железной дороги.

Купить: <https://tellnovel.com/nikolay-svechin/po-ostyvshim-sledam>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)